

Мастер

УРОВЕНЬ 04

РР 24

Мутангелы

Ая эН
Уровень Фи

«РОСМЭН»

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ЭН А.

Уровень Фи / А. ЭН — «Росмэн», 2016 — (Мутангелы)

ISBN 978-5-353-08129-6

В четвертой книге фантастической саги «Мутангелы» супермутант Ризенгри попадает на одну из удивительных планет – Землю-4, жители которой дружно не помнят днем того, что творили ночью. Ризи должен по заданию ангелов найти своего друга Дюшку, а находит красавицу Элину, отцу которой, кажется, удалось разгадать парочку вселенских тайн. А вот удастся ли разгадать свою тайну Маше Малининой и Рино Слунсу, которых судьба забросила в еще более удивительное место? И что будет с Варей Ворониной, когда она встретит принца Кирилла? Возможно, на все эти вопросы знают ответы ангелы или превратившаяся в крысу Лещца Мымбе.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08129-6

© ЭН А., 2016
© Росмэн, 2016

Содержание

Глава 1. На новом месте	6
Глава 2. Сад погибшего ангела	11
Глава 3. Беон Фи	19
Глава 4. Исключительная чуткость в сольном исполнении	27
Глава 5. Лето, наполненное тайнами	32
Глава 6. Лошади, слоны и учебники	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ая эН Уровень Фи

Хуже, чем хуже некуда.

Внимание!

Инструкции, данные между строк в этой книге, не представляют *ни малейшей опасности* для любого, кто является человеком, только человеком, и никем, кроме человека. Всех остальных мутангелов, а особенно инфилоперов (даже если они не помнят, кто они такие, и считают себя обыкновенными людьми), Мебби Клейн просит при прочтении соблюдать все необходимые меры предосторожности. Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за всё происходящее.

Везде далее: *Диди* = дополнительная информация для инфилоперов.

Глава 1. На новом месте

Он проснулся на лугу, заросшем пряными вы сокими травами. Травы не кусались – это он знал.

На Земле-4 стояло раннее летнее утро спокойного тридцать две тысячи пятого года от Великого Начала – этого он не знал. Пока не знал. Ему надо было поесть, определиться во времени и пространстве и вспомнить о том, что он, Ризенгри Шортэндлонг, теперь снова, еще раз – Вениамин Бесов, новоиспеченный ученик седьмого «А» класса обычной средней школы одного маленького милого городка. Городка, в котором все не так. Городка, в котором живет, почти наверняка ничего не помня о своих прошлых жизнях, его лучший друг Дюшка Ключкин.

В этом мире Дюшка мог быть вовсе не Дюшкой. Он мог быть Петей, подсолнухом Гошей, младенцем Сашей, престарелой Алевтиной Петровной с выпадающей искусственной челюстью или хроническим алкоголиком Салютом Ивановичем. Ризу предстояло вычислить его из двадцати пяти тысяч человек, проживающих в городе. Таково было задание ангелов. Странное задание. Непонятное, как и все, что творили ангелы. Для обычного человека такая задача была бы просто невыполнимой. Но Ризи Шортэндлонг был супермутант. И все его способности были при нем. И о своих прошлых жизнях он помнил. И к тому же ангелы не предоставили ему никакого выбора.

Ризенгри сел, сладко потянулся было, и вдруг его прошибло холодным потом – о ужас, у него ведь теперь нет ног! Ведь его общение с таинственным Стариком окончилось тем, что... Ризи глянул вниз. Нет, – тьфу ты, в самом деле! – ноги были на своем привычном месте, целые и невредимые. Правда, они были обуты в нечто невероятно странное: спереди вроде как сандалии, а сзади – ну тапочки тапочками. И носки конкретно порванные. А, нет, не порванные. Это фасон такой: пальцы наружу и пятка, но не вся, а только с внешней стороны. К верхней части носков была пришпандорена бахрома с узелками разных размеров. Риз чертыхнулся и продолжил осмотр себя, постепенно обалдевая все больше и больше. В принципе его костюм был прост и состоял из длинных шорт и короткой майки. Но шорты были такие широкие, что ничем почти не отличались от юбки клеш. А маечка – узенькая, неудобная, в обтяжку, даже пупок не закрывающая. Кстати, вместо пупка у Риза был ровный маленький шрам, украшенный крошечными стразами. «М-да, – подумал Ризенгри, – идиотизм полный, но, если учесть, что я чуть было вообще не исчез...» Он прицокнул языком и огляделся по сторонам.

Солнце стояло в зените. В воздухе было растворено невероятное множество неизвестных Ризу запахов. А такого количества растительности одновременно ему вообще никогда раньше не приходилось видеть. Цветы и травы по меньшей мере десяти разных видов мирно переплетались друг с другом, не дрались, не кусались, не стремились отодрать конкурента от кормушки – единой корневой системы... «Спят они все, что ли?» – с удивлением подумал Ризи. Сам он тоже, оказывается, спал прямо на траве. На его прежней Земле ни одному ребенку даже в голову не пришло бы улечься на живую траву и вырубиться! Но в этой реальности, очевидно, никакой опасности не было. Ризенгри встал, отряхнул одежду и оглядел окрестности с новой высоты. Вдали, на пригорке, виднелось некое подобие города. Откуда-то из глубин подсознания Ризи откопал расплавившуюся от зноя информацию о том, что городок этот небольшой, что он живет в нем на улице Памяти Семи Вод и что в их подъезде с сегодняшнего дня – новая консьержка. И еще – он должен найти Дюшку, и тогда... Неизвестно, что именно тогда произойдет, только все тогда будет хорошо. Риз еще раз полюбовался на свои тапочки, убедился в том, что на примятой траве не осталось никаких вещей, которые могли бы ему принадлежать, и пошел в сторону города, пытаясь вспомнить еще что-нибудь полезное.

«Что-нибудь», в общем-то, вспоминалось. То возникал, как наяву, образ Маши Малининой из школы для особо одаренных. То выплывал из памяти мутант в метро, которого Риз испепелил ради пальто с меткой. То Дед-Старик, сидящий на краешке унитаза в клюшкинской ванной. То биореактор с кнопкой «С» и дурацким руководством для желающих превратиться в мутанты. То могила в ромашках. То Новый год с бабой Никой в виде елки. Воспоминаний было не слишком много, но они были, и Риз радовался тому, что он жив, что он по-прежнему супермутант, которому не стерли память и позволили очутиться в том мире, где Дюшка. Исходя из всего этого, у Риза теперь было двойственное отношение к ангелам: он не знал, считать их все-таки хорошими или плохими? Решая эту сложную философскую проблему, Ризенгри Шортэндлонг вошел в город.

Его опасения, что он будет выглядеть нелепо, рассеялись почти мгновенно: первый же встреченный им молодой человек был наряжен в такие же идиотские шорты. Проходя мимо Риза, он еле заметно кивнул ему в знак приветствия. Риз механически ответил тем же и, немного успокоенный, пошел дальше. На домах были вывески на незнакомом Ризу языке, который откуда-то он все-таки знал. Людей на улицах было мало, и все они напоминали «первых» мутантов: ни хвостов, ни клювов, ни чешуи. Чтобы кто-нибудь летал – такого тоже не наблюдалось. Архитектура была примитивная, машины – тем паче. Не машины даже, а так – средства передвижения. Все в целом смотрелось отстойно, чистенько и скучновато. Подавляющее большинство прохожих еле заметно кивало друг другу при встрече. Ризи некоторое время поступал аналогично, а потом ему это надоело, и он принялся целенаправленно искать улицу Памяти Семи Вод. У него не было никакой уверенности в том, что он сможет правильно задать вопрос на незнакомом языке, поэтому он просто читал названия улиц, надеясь набрести на то, что ему нужно. Но как только он перестал отвечать на приветствия окружающих, окружающие эти сами подошли к нему. Это были две женщины, стройные (полных, кстати, Риз тут еще ни разу не встретил), приятные, настроенные весьма доброжелательно. Одна женщина была повыше, лет сорока, в обтягивающем тело комбинезоне, расшитом узелками наподобие тех, которые красовались на дырявых носках Риза. У нее был высокий лоб, волнистые, зачесанные назад иссиня-черные волосы до плеч и встревоженный глубокий взгляд. Ее спутница была значительно моложе, почти подросток, в длинной светлой юбке и легкой вязаной кофте с длинным рукавом, но голыми плечами и дырой в виде сердечка во всю спину. Дыру бы Ризи не заметил, конечно, но девушка, подойдя к нему, вдруг стремительно и в то же время легко присела, разметав по тротуару полотно юбки, и принялась теревать его носок – кажется, развязавшийся узелок на бахроме завязывать. Риз так растерялся, что даже ногу отдернуть не успел.

– Здравствуй, мальчик! – сказала между тем старшая женщина, всматриваясь в Риза. – Тебе, наверное, требуется помощь?

Ризенгри рассеянно кивнул. Он отлично понимал, что ему говорят, но сам открыть рот все еще не решался. Знаете, какое это странное чувство: вдруг отлично понимать людей, говорящих на чужом языке!

– Тебе очень плохо? – волнуясь, поинтересовалась женщина.

Ее спутница между тем справилась с узелком и встала, откинув со лба прилипшую рыжеватую прядку. Ее взгляд тоже был несколько тревожен.

– Н-нет, – почти шепотом выдавил из себя Риз, удивляясь тем непривычным его уху сочетаниям звуков, которые вылетали у него из горла. – Спасибо за помощь.

Кажется, он все сказал правильно. Это было невероятно. Но ведь он не знает этого языка! Да нет, получается, что знает... Женщины переглянулись.

– Меня зовут Миляиша, – сказала та, которая была взрослее. – А это моя старшая дочь Карина.

– Отлично сохра... Вы отлично выглядите! – вспомнив руководство по общению с людьми и первыми мутантами, сделал комплимент Шортэндлонг.

Миляиша, кажется, немного смутилась. Ризи сообразил, что надо выдать второй комплимент, дочке, но какой...

– Вербена Триденс, – представилась между тем Карина.

Ризи так и не понял, как ее зовут на самом деле: Карина или Вербена. Но зато он понял, что к мучочертям комплименты, ему тоже надо как-то представиться.

– Риз Шортэндл... – начал было он, но тут же исправился: – То есть я – Вениамин Бесов. Я живу на улице Памяти Семи Вод. Вы знаете, где это?

Женщины опять как-то странно переглянулись.

– Да, Риз Шортэндл, – мягко, как больному ребенку, ответила та, которая назвалась Миляишой. – Мы знаем улицу Семи Вод. Пойдем с нами. Ты должен верить в то, что с тобой все будет хорошо.

– Я верю, – кивнул Риз.

Женщины повели его в центр города, пару раз повернули. Дорогу Риз запоминал механически. Его способности супермутанта были при нем в полном объеме. Память постепенно восстанавливалась. Он вспомнил разговор с ангелами во всех подробностях, все, что с ним было после конца света на Земле-11, повторы – воспроизведенную реальность. Вспомнил о том, что из его руки тянулась странная нить, связывающая его сначала с Варей, а потом с Машей и Риной. «Надо будет проверить, цела ли она, – подумал он. – Как только останусь один, потихоньку проверю...»

Место, в которое привели Ризенгри, называлось «Скорая помощь». И расположено оно было на улице Восточных Попугаев, а никаких не Семи Вод. Риз мысленно выругался, но решил раньше времени сквозь стены не литься и взрывов не устраивать, а посмотреть, что будет дальше.

Они вошли. В приемном покое было довольно уютно. Тишину нарушало выразительное сопение некоего молодого человека с отвисшей челюстью, сидящего на полу прямо посреди зала. Он с упоением ковырялся в носу и взглядом любопытствующего дурика глядел на другого мужчину, с курчавой головой, окрашенной в стиле «закат в пустыне». Курчавый, невзирая на дикую прическу, производил вполне нормальное впечатление. Миляиша усадила Ризи и Карину-Вербену на полукруглую скамью и обратилась к курчавому, как выяснилось впоследствии, скорому помощнику.

Диди. Ну естественно, к «скорому помощнику», а не к дежурному врачу. Это же была «Скорая помощь», а не «Дежурная врачебельница»!

– Это Риз Шортэндл, – сказала Миляиша, – то есть Веня Бесов. Ему требуется срочная помощь. Ему очень плохо. Он...

Женщина сделала небольшую паузу и тихо, как бы извиняясь, закончила:

– Он даже не смог с нами поздороваться!

– Ничего страшного, – тут же бодро отозвался помощник. – На то мы и существуем, чтобы помогать в разных сложных ситуациях. Агафен! Иди на улицу! А вы, молодой человек, главное, не волнуйтесь и не переживайте.

Дурик Агафен послушно встал с пола и направился к выходу. Ризенгри проводил его глазами и устроился поудобнее. Вообще-то он совершенно не волновался и ни капельки не переживал, а, наоборот, воспринимал всю ситуацию как комичную. Единственное, что его немного тревожило, – он до сих пор не знал, где живет. Улица улицей, но какой дом, которая квартира? Женщины взяли с Риза честное слово, что он их обязательно как-нибудь навестит, и ушли по своим делам, а скорый помощник провел его в другую комнату, прохладную и слегка затемненную, и сказал:

– Ну, поговорим. Итак, ты – Риз Шортэндл, в прежней сущности мой старый знакомый Вениамин Бесов, улица Памяти Семи Вод, дом четырнадцать, квартира восемь... И что же с тобой произошло?

«Дом четырнадцать, квартира восемь – интересно, точно ли мой это адрес?» – подумал Ризи и наугад ответил:

– У нас сегодня в подъезде консьержка сменилась...

Ризи лихорадочно пытался сочинить некую правдоподобную историю о том, «что с ним сегодня произошло». Но ничего путного не сочинялось, ведь он ровным счетом ничего не знал об этом мире! «Сменилась консьержка» – это единственная информация, которой снабдили его ангелы перед отправкой в этот мир. Ах, нет! Не единственная! Еще «трава и деревья здесь не кусаются» и «в этом городе живет Дюшка, его надо найти». Зашибись, как много вводных данных! Ну, ангелы, погодите!!!

– У нас консьержка сменилась, – повторил Ризи. – И... И...

– Да? – обрадовался вдруг помощник. – Консьержка? Это что-то новенькое! А я уж думал, мы с тобой опять о куклах говорить будем. Ты молодец, что сразу заговорил о том, что тебя взволновало настолько, что заставило забыть даже о самых элементарных правилах приличия. И что в ее поведении тебя задело?

Образа консьержки в памяти Риза не обнаружилось. Зато обнаружилось горячее желание сделать этому приставучему «помощнику» какую-нибудь бяку, чтобы он свалил в туман и не цеплялся со своими вопросами. Риз вспомнил шестирукую упаковщицу из подземного супермаркета и то, что он с ней сотворил некоторое время назад. И решил повторить свой фокус, только полегче, поделикатнее. Он слегка наклонился к помощнику и заговорщическим шепотом поинтересовался:

– У вас нет такого ощущения, что у вас не все в порядке с сердцем?

– Нет, – прислушался к своему сердцу помощник.

– А я чувствую, что с вашим сердцем не все в порядке...

Тончайшая, почти прозрачная стрела-проводок легкой тенью метнулась из левой ладони Риза и скрылась в складках одежды его собеседника. Возле сердца стрела остановилась, ее острый конец округлился и мягкой присоской уткнулся в окутанную капиллярами, ритмично сжимающуюся стену.

– Ой! – вскрикнул помощник и завалился на бок, схватившись за грудь.

«Кажется, я все-таки перестарался! – с досадой подумал Ризенгри. – И ничего ведь не резал, так только, прихватил немного. Неужели остановилось?» В принципе этот мужчина ничего плохого ему не делал, он, по-видимому, просто честно выполнял свою работу, и все... Ризи нагнулся над мужиком, втянул в себя стрелу. Затем мягко просунул руку под чужую майку и дальше, сквозь кожу, мышцу и ребра – в сердце. Сердце стояло.

Риз вспомнил уроки анатомии мутантов, раздел, посвященный первым мутантам, и попробовал сделать прямой массаж сердца. Оказалось, что это не так-то просто – остановить было куда легче. С восьмой попытки красный мешок, наполненный кровью, все-таки заработал. Ризи тихонько высунул руку обратно, похлопал ожившего мужчину по щекам, чтобы тот открыл глаза, и удрал на улицу.

Теперь, наученный горьким опытом, Ризенгри Шортэндлунг заранее слегка кивал всем подряд. Правда, однажды опять попал впросак: древний сморщенный старичок в панамке и с тросточкой, которому он тоже кивнул, вдруг вылутился на него в полном изумлении, даже остановился. Риз не понял: то ли в этом мире было принято здороваться со всеми, кроме старичков с тросточками, то ли еще что. Через час с небольшим ему удалось разыскать нужную улицу. Дом номер четырнадцать оказался семиэтажной нелепой коробкой с прозрачной пирамидальной крышей и тремя подъездами. К счастью, номера квартир «1-16» были написаны у входа, над дверью. Риз вошел.

– Ах, наконец-то! – всплеснула руками какая-то престарелая полосато-горизонтальная дама, выбежав навстречу входящему Ризу. – Наш герой! Всю свою оставшуюся жизнь я буду

гордиться тем, что жила в одном подъезде с таким замечательным, исключительно чутким молодым человеком!

– Что?!

С первого же момента его появления в городе Риза не оставляло смутное ощущение того, что все его жители – бывшие пациенты сумасшедшего дома для умеренно буйных. Дамочка, с таким восторгом бросившаяся жать Ризу руки, была низенькая. Вообще-то женщину невысокого роста можно охарактеризовать по-разному: миниатюрная, изящная, кнопка, коротышка... Эта была просто низенькая. И лицо у нее было такое же никакое: ну лицо и лицо, – один рот, два глаза, три морщинки. Наряд еще этот полосатый... Разве можно при таком росте носить платье с яркими горизонтальными полосками?

– Бяк-Бяк уже всем рассказал о том, как ты его спас! Подумать только! Ты почувствовал неполадки с его сердцем раньше, чем он сам что-то заметил! О! О, я просто не смею тебя задерживать! Да, один деликатный вопрос: твое новое имя теперь правда – Риз Шортэндл?

– Можно просто Риз... А вас как зовут?

– О, я по-прежнему просто Мария! – отрицательно замотала головой женщина. – У меня не было сегодня повода начинать жить заново и придумывать себе новую сущность. Два, три и пять!

И горизонтальная дама отступила. Риз подумал, что «два, три и пять» – это пароль. Он запомнил его и взбежал по лестнице.

Глава 2. Сад погибшего ангела

Он проснулся на лугу, заросшем пряными высокими травами. Стояло спокойное раннее летнее утро. Он знал о том, что очень далеко отсюда, на Земле-4, злится на ангелов наивный, но сильный и опасный супермутант Ризенгри Шортэндлонг. Он знал о том, что на той же Земле-4 мечтает стать настоящим ангелом обычный замечательный человек Дюшка Ключкин. Он вообще много чего знал. Очень много чего. Но не все. Ведь даже ангелы-эксперты не могут знать всего. Например, Старк не знал о том, как и почему Океан перестал быть скалистым и неподвижным. Он не знал о том, что именно случилось с Джен, когда она ушла в Океан.

Старку было несколько тысяч лет. Он был одним из самых молодых Экспертов и по возрасту, и по духу. Несколько тысяч лет для ангелов – это совсем немного. Старка иногда в шутку называли Стариком из-за его молодости.

Старк приподнялся на локте, огляделся вокруг. Насекомое, похожее на божью коровку, только на длинных тонких лапах, проворно пыталось спастись, припустив на всех парах вниз по его рукаву. Оно решило, что Старк вздумает им позавтракать.

– Вот глупое! – рассмеялся Старк. – Чего тебе меня бояться? Я ж тебя сам придумал, на одну ночь...

Но коровка уже скрылась в траве. Сейчас она, наверное, переводила дух и радовалась тому что ей удалось спастись. Старк опять повалился в примятую траву, потянулся по-кошачьи и сладко зевнул. Давно ему не удавалось так классно поспать – почти что целиком, да еще в материальном виде. Огромное количество дел не давало собрать себя в одно целое. Но сегодня... сегодня почти удалось. И это было здорово. Старк еще раз с удовольствием потянулся и вскочил на ноги. Ладно, пора и честь знать. Он в последний раз вдохнул аромат трав, улыбнулся восходящему солнцу, помахал на прощание коровке. А потом решительно тряхнул головой, выбрасывая из головы остатки сна, а из реальности – цветущий луг.

Старк любил носить короткое поджарое тело, любил спать в материальных мирах, любил ангелов, людей, мутантов, собак, пауков, крокодилов... Любил миры, созданные не им, и то, как они развиваются под его руководством или сами по себе. Он любил жизнь. Любил даже смиряться с тем, что все равно нельзя изменить. И любил не смиряться с тем, что был в силах изменить.

Тот, кем движет такая любовь, не может не нырнуть в Океан за уходящим навсегда ангелом. Кроме того, новая теория Старка требовала проверки.

Отменить решение Джен не мог никто. Но Старик мог сделать то, что он собирался сделать. И сделал он вот что.

Он достал из кармана симпатичную вещицу – алмазные браслетик с колечком, соединенные в одно целое тонкими золотыми цепочками. Это украшение было на руке Джен, она обронила его в доме Старка во время их последнего разговора. Старк полюбовался искусным изделием мутантов – этот браслет сделали на Земле Дюшки и Риза, – а затем растворил украшение в пространстве. Говоря точнее, просто послал этот браслет куда подальше. Потом Старк скинул тело, перешел в тонкое состояние и сразу же – в сверхтонкое. Зацепился частью себя за тот мир, в котором спал, и невидимой туманностью устремился в сад Дженифер Шортэндлонг. А спустя секунду отлетел назад по времени, в тот момент, в котором Дженифер еще была жива.

Джен стояла на вершине невероятного крутого склона, внизу которого медленно бушевал густой перламутровый океан. На первый взгляд казалось, что огромные, величиной с трех-четырёхэтажный дом, волны просто застыли на месте, а хлопья пены непостижимым образом висят в воздухе. Но стоило постоять над океаном минут десять, и можно было заметить, что картина меняется: одна волна разбивается о берег, захватывая с собой все, что попадает ей на

пути, откатывается назад, а на смену ей уже несется с такой же скоростью ее подруга. Это было безумное, завораживающее зрелище. Но еще более любопытен был сам склон, вся поверхность которого состояла из длинных и узких, не шире двух метров, террас, покрытых роскошной, совершенно неподвижной растительностью. Стены, поддерживающие террасы, были выложены серым камнем, но камня этого не было видно нигде, кроме самого нижнего уровня. Из этого же камня была построена лестница, уходящая в глубь океана. Этот сад был почти мертвым. Он словно умер всего-навсего мгновение назад. Птички, упавшие в траву, остались теплыми, бабочки и стрекозы, сидящие на цветках, не успели соскользнуть на землю, капелька росы, готовая сорваться с кончика бутона новорожденной лилии, так и не сорвалась. Белые лошади, к которым приходила Джен, лежали на одной из нижних террас, над океаном.

Обычно Джен не летала в этом саду. Она осторожно спускалась по ступенькам, боясь нарушить оглушительную тишину, постоянно царившую над беснующимся океаном. Доходила до жеребенка, который лежал ближе всего к лестнице. Садилась на камни. И долго-долго смотрела вниз. Иногда она проходила в глубь террасы. Старалась не касаться ни кустов, ни деревьев. Только раз или два она дотрагивалась до мертвых животных, однажды тихонечко погладила по холке жеребенка. Каждый раз Джен посещало одно и то же видение – слишком уж эти террасы походили на гигантскую декорацию к сказке о спящей красавице. Она представляла себе, как сад оживает. Она представляла себе это много, много раз и в принципе считала, что может заставить его ожить. В этот раз Джен не хотелось оживлять сад.

Старк вытянулся невесомой полосой позади Джен. Сад был довольно большим, он занимал всю бухту, огибая океан многокилометровым полумесяцем. Старк вытянул себя таким же полумесяцем вдоль всей верхней кромки крутого берега. Затем соскользнул двумя крайними отростками полумесяца вниз, к воде. Плотная живая стена белого перламутра прикоснулась к нему обжигающим холодом. Старк позволил холоду растечься, захватить его в плен и заглянул за волну. За волной была белая молочная масса, легкая и воздушная. Как пена для ванны, причем совсем не густая. Вокруг Старка не было ничего, кроме безобидных крошечных пузырьков. Но ангел-эксперт знал, что эта безобидность обманчива и расслабляться нельзя. Часть Старка следила за Джен, часть оставалась в надежном плотном мире, а две части пытались соединиться в Океане. Представьте себе, что на краю пенистой ванны сидит кошка. Вы стоите позади нее. Ваши ноги прочно стоят на полу. Глаза следят за кошкой. А руки вы сунули в пену, с двух сторон, и медленно пытаетесь их соединить. Правда, ничего особенного и невозможного вы не делаете? Вот и Старк не делал пока ничего невозможного. И если бы пена оказалась обычной пеной...

Джен пролетела над лестницей до места, куда долетали брызги. Стала на поверхность. Перешла в плотное состояние. На ней оказалось то самое восхитительное светло-салатное платье, в котором она собиралась на вечеринку. Она спустилась еще на несколько ступенек. Последние из них были мокрыми. Огромная волна как раз откатывалась назад, а следующая, уже успевшая вздыбиться, но не успевшая закрутиться, еще маячила достаточно далеко. Джен сделала несколько шагов вперед, задрала вверх голову. Теперь передний фронт новой волны касался ее платья, а верх волны закрывал от Джен половину неба и готов был поглотить ее не раздумывая. Джен не стала ждать, когда это произойдет. Она медленно вошла в перламутровую, стоящую пред ней стену. Вода изнутри вовсе не была водой. Это была сложная структура, наполненная мощной энергией, энергии в ней было столько, что наше Солнце не смогло бы соревноваться и с одним из пузырьков этой пены. На мгновение Джен показалось, что она видит что-то впереди...

...В сверхтонком состоянии ты более всего похож на газ. Ты словно рассыпаешься на множество мельчайших частиц, оставаясь при этом одним целым. Старк почувствовал, как каждую его частичку облепляют мельчайшие пузырьки океана. Найдя чужеродное, пузырьки начинали дрожать и лопаться, объединяясь и выбрасывая струи холода. Холод этот был липкий

и такой сильный, что частицы Старка под его обстрелом взрывались, раскалываясь и разлетаясь во все стороны яркими короткими лучами-вспышками. И исчезали в неведомой дали. Старк понял, что единственный способ взять Джен в кольцо – это двигаться быстрее. Иначе он сгинет полностью прежде, чем успеет хоть что-то сделать.

Чем больше и тяжелее чужеродное вещество, попадающее в океан, тем агрессивнее ведут себя белые пузырьки. Джен разлетелась на части очень быстро. Стене океана даже не понадобилось окутывать ее со всех сторон – это в один миг сделали пузырьки. Джен успела увидеть, как лопаются вокруг нее мелкие полупрозрачные мембраны, превращаясь в одну большую. А потом к ней со всех сторон понесся холод. Но он был такой быстрый, что Джен не успела его почувствовать.

...Старк не мог помешать Джен. Она была ангелом, а ангелы вольны принимать решения относительно собственного будущего. Но как только Джен разлетелась, она перестала быть ангелом. Теперь Старк мог вмешаться. Он стремительно соединил свое тело, поймав, словно сеть, лучики, в которые превратилась Джен. И попытался вырваться из океана в сторону берега. Мощные волны отбрасывали Старка назад, на глубину. Всплыть вверх тем более не получалось. Океан не отпускал. Выхода не было. Более того, Старк чувствовал, что океан его втягивает целиком, что и сам он превращается в лучи со страшной скоростью, и от разлетевшейся Джен скоро не останется ни частички. Тогда Старк перестал цепляться за реальный мир и нырнул в океан целиком...

Дима Чахлык влетел в сад, когда все было кончено. Невысокий светловолосый парень сидел возле надломленного жеребенка, далеко от воды. Дима сгустился, спустился по каменным ступенькам и присел рядом. Парень поднял камешек и бросил его в сторону океана. Камешек самолетиком пролетел над очередной застывшей волной и медленно вернулся обратно.

– Она там? – спросил Дима, кивнув в сторону океана.

Старк отрицательно покачал головой:

– Джен больше нет. Но я сохранил память о ней, разбросал ее крупницы по разным старым мирам.

– Как? – удивился Дима.

– Влез в океан, дождался, когда она... Потом превратился в вихрь и разбрызгал... Куда подальше. Постарался в сторону... Догадываешься, в какую сторону я целился?

Старик скосил глаза на своего собеседника, усмехнулся. Дима смутился, покраснел. Когда Дима краснел, это было почти незаметно, ведь Дима был чернокожим ангелом. Дима понял, куда целился Старик, – конечно, в сторону Земли-4! И почему он усмехается, Чахлыку тоже было ясно.

– Я тоже хотел оставить память, – попытался оправдаться он. – Отсюда и похожесть.

– Ага. – Старик запустил тот же камешек в сторону океана еще раз. – Похожесть, ага... Хотел оставить память, ага... Оставил, ничего не скажешь! Причем сделал это за несколько лет до того, как Джен решила уйти. Супер. Ты хоть себе не ври, а? Кстати, ваша с Роном затея с «куклой ангелов» мне тоже не нравится.

– Но ведь она здорово пригодилась! – встал на защиту себя и Рона Дима. – Хоть мы и планировали все иначе, но...

«Оставим этот беспредметный разговор!» – устало подумал Старик. Дима кивнул. Они замолчали. Просто сидели рядом и молчали. Старик просто молчал, а Дима жевал жвачку. Когда он в последний раз жил человеком, он почти постоянно жевал. Иногда приятно было вспоминать старые дурные привычки.

– Ой, мамочки! – сказал вдруг Дима Чахлык, стряхивая пепел. – Ты не поверишь! На меня только что птичка накакала!

И он продемонстрировал Старику рукав. На чернокожем ангеле в этот раз была синяя с оранжевым ландшафтом гавайская рубашка. От настоящей гавайки она отличалась только тем, что была ненастоящая.

– Круто! – сказал Старик. – Слушай, я и не думал, что такой эффект будет и так сразу!

Они дружно задрали головы вверх. Над ними висел птенец обыкновенного скворца, недавно вставший на крыло. Птенец беспомощно трепыхался в воздухе, не понимая, что с ним происходит: он и падать не падал, и вперед не продвигался. Птенцу не могло прийти в голову, что сад мертвого ангела еще не ожил, что время в нем запустилось пока лишь для избранных, для тех, в кого угодили лучики поглощенных океаном воинов света. Дима и Старк рассмеялись.

– Да уж, с экспериментами в саду надо быть осторожнее, – заметил Дима.

Он еще раз взглянул на птенца. Тот медленно, но верно продвигался к ближайшей ветке. Правда, ветка эта по-прежнему была мертвой. Дима понял, что на нее никакой благодати не попадало. Птенец косился на продолжающего жевать Диму, возможно, думал, что тот обедает вкусным червяком, и немного завидовал. Дима Чахлык выплюнул жвачку в салфетку, а салфетку сунул в карман. Птенец продолжал коситься в их сторону, теперь, кажется, его больше привлекал карман.

– Послушай, Старик, – спросил Дима, – теперь этот сад – часть тебя, да?

Старк кивнул, уточняя:

– Часть сада – часть меня.

– И ты его... Ты его, получается, чувствуешь?

– Разумеется, – опять кивнул Старик. – Как себя самого.

– Нормальненько! – искренне восхитился Дима.

– Да ладно тебе! – пожал плечами Старик. – Можно подумать, у тебя не было практических занятий по превращению в других людей и в неодушевленные предметы.

Старк был не совсем прав. Конечно, у Димы, как и у всех остальных ангелов, были занятия по превращению. Но одно дело на время почувствовать себя столом, стулом или, скажем, поломанной ложкой и совсем другое – реально стать чужой фантазией.

– Слушай, а все-таки. Ну и как тебе это – стать мертвым садом? Ничего? Нормально или не очень?

– Очень, – вздохнул Старик. – Очень плохо. Совершенно отвратительно. Ведь я стал не только частью сада или этого скворца. Я угодил в тысячу или больше различных предметов и людей. Причем далеко не в тех, кого выбирал. Я наполнил собой других людей, а они наполнили собой меня. Со всеми своими глупостями, надеждами, эмоциями...

Старик замолчал. Он опять задрал голову и стал следить за частью себя – за маленьким скворцом. Скворец никак не мог долететь до ветки. Он приблизился к ней еще на несколько сантиметров, не больше. А силенки птички были уже на исходе. Дима тоже стал следить за скворцом. Дима понимал, что, разбрызгав себя столь нелепым и непродуктивным образом, Старк...

«Не надо об этом!» – мысленно попросил его Старик.

«Почему?»

«Потому, что тебе и так все ясно».

Диме действительно и так все было ясно: состояние у Старика почти катастрофическое. Но еще один вопрос не давал ему покоя.

– Старк, как ты это сделал? Как именно? Как именно все происходило там, в океане? Покажешь?

Старик показал. Маленький шарик с подробной информацией о том, что произошло в океане, произвел на Диму неизгладимое впечатление. Стена, пузырьки, взрыв Дженифер, отчаянье Старка, прорыв на поверхность, превращение в лучи-искры.

– Еще вопросы будут? – очень буднично спросил Старк.

– Будут. Какая часть тебя...

Как трудно иногда бывает подобрать правильные слова!

– Половина, – ответил Старик. – Примерно половина меня исчезла. И еще немного разлетелось вместе с...

Как легко иногда ответить на не заданный полностью вопрос!

– Вместе с Джен? – уточнил Дима.

– Нет, не с Джен, – покачал головой Старк. – С крошечными частичками памяти о Джен. Самой Джен больше нет. Это я есть. Пусть я есть меньше, чем наполовину, пусть я больше не смогу быть экспертом, пусть я – это часть меня. И пусть часть меня – это тысячи других людей и предметов. Но все-таки это я. А Джен больше нет. И вообще нам пора возвращаться. Не стоит так долго оставаться в прошлом. Помоги мне...

– Помоги? – Дима удивился.

Но тут же въехал. Когда от тебя остается меньше половины, когда ты – это ты и еще толпа «не тебя», трудно справиться со многими простыми задачами.

Обычно ангелы могут делить себя на много частей без всяких последствий. Это очень удобно. Можно успевать делать кучу вещей одновременно, работать и отдыхать, спасать мир и спать. Но океан поглотил часть сущности Старка. И, что еще хуже, – разбросал часть его сущности вместе с частичками памяти о Джен.

Полтора ангела вернулись из прошлого в настоящее. Целый ангел помогал тому, от которого осталась половина.

Дима Чахлык опустил в кресло возле Дюшки неожиданно. Дюшка только проснулся. Открыл глаза, увидел Диму и в первый момент ничего не понял. Дима молчал, давая возможность Ключкину оглядеться и окончательно проснуться. Дюшка послушно окончательно проснулся, сел на кровати и огляделся.

– Ничего себе! – проговорил он наконец. – Мое родное тело! Класс! Что, все уже окончилось, что ли? А где Риз? Он уже догадался, что я это я? А почему мы тогда тут, на Земле-4? Мы на Земле-4?

– Доброе утро! – сказал Дима. – Да, мы на Земле-4. Ризенгри только прибыл. Он даже не начал еще вычислять, осматривается. О нем потом поговорим. А ты здорово справился с новой ролью, молодец! Мы с Роном ужасно рады, действительно.

Дюшка пожал плечами. Он не считал себя молодцом. Подумаешь, справился с ролью! Ангелы подготовили его, наделили новым телом, новыми привычками. Потом он прошел стажировку в другом городе Земли-4, а потом ему временно стерли все воспоминания о том, что он раньше был Андреем Ключкиным, последним человеком Земли-11, земли мутантов. При таких обстоятельствах любой бы справился. Дюшка вскочил с постели и попрыгал на радостях. Родные, привычные ноги-руки, здорово!

– Ну как, трудно было? – поинтересовался Дима.

– Не-а, не очень, – покачал головой Дюшка. – Вот когда я был на пробной стажировке, помнишь, когда ты мне память не убирал, тогда да, было сложно. А сейчас – нет.

Дима улыбнулся. В его улыбке скользило легкое сомнение.

– Так ли уж? – недоверчиво спросил Дима. – Что-то во время стажировки я не помню такого, чтоб ты слезу пускал. А тут рыдаешь почему зря.

– А, это! – отмахнулся Дюшка. – Это фигня, ты не обращай внимания. Просто на стажировке я знал, что все это понарошку и скоро закончится, поэтому терпел. А тут совсем другое дело. Когда я перестаю быть Дюшкой, я порой начинаю думать, что вся эта моя жизнь – все-рьез. Слушай, я не знаю, как это тебе объяснить...

– Да не надо мне ничего объяснять, – сказал Дима. – Я же целую кучу жизней на разных планетах прожил. Так что все понимаю.

Дюшка засмеялся. Хорошо, когда тебя понимают! Он подошел к окну, чтобы поднять ставню и впустить солнечный свет. На Земле-4 уже давно рассвело.

Диди. Самое время кое-что пояснить. Очень важное. Мы привыкли считать, что ангелы – такие добрые, благородные существа, которые только и делают, что охраняют своих подопечных (и не только их) от разных неприятностей, оберегают, наставляют на путь истинный и так далее. Вообще-то это примерно так и есть, но одно «но» портит картину.

Ангелы поступают так, как считают нужным, и их в очень-очень малой степени интересует собственное мнение того, в чью жизнь они столь бесцеремонно вмешиваются. Вас интересует мнение вашего кота, когда вы надеваете на него ошейник от блох? А когда везете к ветеринару, чтобы кастрировать?

Пока Дюшка Ключикин жил у ангелов, Дима и Рон в значительной степени блокировали его переживания по поводу смерти Вари, родителей и всей Земли-11. Но помните, что сделал Дюшка, как только узнал о том, что происходит? Он снял блокировку.

А что было потом? Потом ангелы отправили Ключикина на Землю-4, сделав другим человеком. Сначала отправили «на стажировку» (изменив тело, но оставив память), а после «взаправду» (изменив тело и временно стерев память). Хорошо, допустим, так было надо, допустим, это временно и потому ничего страшного... Но сейчас, сейчас, когда Дима хоть и ненадолго, но вернул Дюшке его родное тело и вроде бы память, почему он не вернул ее полностью? Почему в сознании Дюшки опять нет ни мысли о Варе? Да, он спокоен и счастлив, но... Вы бы согласились на счастье и спокойствие такой ценой?

Вы бы не согласились.

Вы бы не согласились потерять себя.

Но ангелы не будут спрашивать вашего согласия.

Ангелы имеют свое мнение по любому поводу. Это нормально. Мы все имеем свое мнение. Ненормально – считать, что твое мнение единственно правильное. Еще более ненормально – перекраивать чужую жизнь сообразно с собственным мнением.

Дюшка пошел к окну, чтобы отворить ставни и впустить в комнату солнечный свет.

– Не надо, – остановил его Дима. – Пусть нас не видят. Я ненадолго, по делу.

Дюшка остановился на полдороге. Сухой, серьезный тон ангела Димы ему не понравился.

– А что за дело? – настороженно спросил Дюшка.

– Сейчас покажу.

Дима раскрыл ладонь, являя на свет маленький шарик. Дюшка знал, что это такое. В таких шариках хранится информация – записанные события, например. События в шариках не такие, как если записать на видео. Они объемные и как бы многоуровневые. И еще они как веб-тексты. Если захочешь узнать что-то подробнее, кликаешь ссылку, и дополнительная инфа открывается в следующем окне. В шариках с такими «ссылками» сохранена каждая деталь. Кроме того, шарики обладают и другими качествами, которые очень сложно описать обычными словами, потому что аналогов им в нашем мире пока нет. Но сейчас все это было неважно. Дима раскрутил шарик, и Дюшка увидел, услышал и почувствовал, как Старк теряет себя в неравной схватке с Океаном.

Увидеть, услышать и почувствовать – мало. Надо все это осознать. Понять, что произошло.

– Дим, что Джен умерла, это я понял. А что значит «память о Джен»?

– Частички Джен, обладающие качествами ангела, Старк отослал сюда. Те, в кого они попали, теперь обладают качествами Джен.

– Как осколки волшебного зеркала из сказки про Куя, Горду и Снежную Императрицу! – подсказал Дюшка.

Дима кивнул. Сравнение было подходящее.

– Обалдеть! – восхищенно прошептал Ключкин. – У вас, у ангелов, вообще все как в сказке. А я-то, балда, собирался мутантом стать. Думал, это круто... Но знаешь, ведь я тогда еще не подозревал, что могу стать настоящим ангелом!

Дима снисходительно слушал наивное Дюшкино кудахтанье, серьезно кивая головой в знак полного согласия. Потом извлек из пустого пространства перед собой наушники и демонстративно вставил их в уши. Ключкин мигом осекся.

– Извини меня, а? – сказал Ключкин. – Это меня случайно понесло. Вообще-то я помню, что я пока не ангел. Но я очень хочу им стать! Не потому, что это круче, чем быть мутантом... А просто... просто так.

Дима вытащил наушники.

– Дюшка, я боюсь, ты и в самом деле ничего не понял. Джен, наша с Роном подружка, классная девчонка, сестра Риза, Джен, Дженифер Шортэндлунг, умерла. Насовсем.

Дюшка растерялся, нахмурился.

– Как это – «насовсем»?

– Она взорвалась.

– Ну да, я видел, – кивнул Дюшка. – Она взорвалась. Круче, чем вы с Роном в том доме на моей родной планете. Помнишь, ты мне показывал, как вы с Роном специально влезли в эпицентр взрыва и взлетели на воздух. Ну а теперь Джен. Она ушла в океан, чтобы дать Ризу еще один шанс стать человеком. И если Риз...

– Дюшка, заткнись, – перебил его Дима. – Пожалуйста.

Вы слышали когда-нибудь, как мягко ангелы говорят: «заткнись»? Они очень редко так говорят. Дюшка заткнулся. Дима соорудил возле Дюшкиной кровати столик с завтраком. Несколько ломтиков осетра, поджаренный хлеб, зелень, фирменный салат из перепелиных желтков.

– Спасибо, – механически поблагодарил Дюшка.

Если бы завтрак появился до просьбы заткнуться, Дюшка завопил бы что-то вроде: «Вау, класс!» Но сейчас он просто взял кусочек хлеба и положил его в рот. На Земле-4 хлеба не пекли. Об осетрине и говорить нечего.

– Ангелы иногда исчезают насовсем, – сказал Дима. – На-сов-сем. По собственному желанию.

Хлеб во рту Дюшки словно в камень превратился. Ключкин попытался проглотить его, но не смог. Так с набитым ртом и пролепетал:

– Пфо... Пшо...

Потом поднес ко рту ладонь и уже нормальным голосом повторил:

– Нет. Этого не может быть. Я думал, «ушла в океан» – это просто ушла в океан. И еще думал, что...

Дима опять остановил его. На этот раз он просто поднял руку: стоп, хватит. А глаза Димы сказали без слов: «Джен больше нет». И вот теперь только Дюшка окончательно все понял.

Темный ангел в яркой рубаше с аляповатыми пальмами невозмутимо достал из кармана сигарету которую не успел докурить в саду и чиркнул спичкой. Дюшка переложил недожеванный комок хлеба из ладони в салфетку и замер.

– Ты ешь, – сказал Дима.

– Мне не хочется, – хмуро выдавил Дюшка.

– Можно подумать, я спрашиваю тебя, хочется тебе есть или нет. Просто ешь. Ты же сам решил, что будешь выполнять все, что я тебе скажу, чтобы стать ангелом. Ну, так за чем же дело стало?

Выражение лица у Димы было, как показалось Дюшке, то ли слегка насмешливое, то ли презрительное, то ли и то и другое одновременно. Ангел Дима висел в сантиметре от поверх-

ности кресла и равнодушно курил. Дюшка побелел. Ему трудно было бы описать все, что он сейчас чувствовал. Дима Чахлык гораздо лучше мог бы описать все, что чувствовал Дюшка.

Клюшкин молча взял с овальной темно-желтой тарелки кусок осетрины и засунул его в ставший сухим рот.

– Мне бы хотелось, чтобы ты завтракал с удовольствием, – не глядя на Дюшкины мучения, склонил голову ангел.

Дюшка попытался натянуть на себя улыбку и одновременно начать жевать. Диму Чахлыка он уже почти ненавидел.

– Нет, не так. С удовольствием. Попробуй есть с настоящим удовольствием. Мне нужно, чтобы ты научился разделять в себе разные эмоции, которые могут возникнуть одновременно. Сейчас в идеале тебе нужно почувствовать обалденно вкусную рыбу и острую боль за Джен. А ненависть ко мне убрать.

Вкус и боль – это было еще ладно. Но когда Дима упомянул о ненависти, Клюшкин не выдержал и поперхнулся. Злополучный кусок осетрины вылетел у него изо рта, словно снаряд из боевого оружия. И угодил в Чахлыка, выбив из его руки сигарету.

– Извини, я случайно, – откашлявшись, пролепетал Дюшка.

– Да уж, – делано вздохнул Дима. – Второй раз за день не дают докурить. Одну-единственную сигарету за пятьсот лет. Ну, что ж. Придется с дурными привычками окончательно завязывать...

В комнате повисла тишина. Тишина была неполной. Дима Чахлык не останавливал время. На Земле-4 медленно, но верно разгорался новый день. Дневной свет сквозь ставни не проникал, но звуки с улицы были слышны отлично. Проехала повозка, заплакал ребенок, кто-то за стеной заиграл на пианино, отчаянно фальшивя и сбиваясь с ритма. Дима висел над поверхностью кресла и ждал. Дюшка облизал пересохшие губы и робко посмотрел на своего ангела:

– Можно, я еще раз попробую?

Он взял с тарелки следующий кусок рыбы. Положил его на хлеб. Хлеб был еще теплый, словно только что из печи. Два аромата – хлеба и рыбы – смешались, дополняясь легким запахом незнакомой Клюшкину зелени. Такой на земле мутантов не было.

– Я пришел не только для того, чтобы рассказать тебе правду о Джен, – продолжил Дима. – Это могло бы подождать. Дело у меня к тебе другое.

Дюшка ел, а Дима рассказывал. Дима рассказывал, а Дюшка ел. Когда Дюшка все доел и все понял, Дима вернул его в тот вид, в котором ему надлежало встретить Риза.

– Теперь спи. – На полку, висевшую над Дюшкиной кроватью, Дима положил браслет Дженифер, браслет плюс колечко.

Дюшка посмотрел на браслет и вдруг растерялся:

– Дим, я не могу. Фу ты, ну и голос у меня в этом теле! Я не могу, не смогу. Нет, то есть да. Да, я сейчас постараюсь заснуть и... Ты не думай, я все-все сделаю. Я...

Дима кивнул, мгновенно усыпляя своего подопечного. Затем немного поковырялся в его памяти, стирая лишнее, и улетел, забрав с собой остатки трапезы.

Человек, в которого опять превратился Дюшка Клюшкин, проснулся нескоро. Человек вылез из-под одеяла, прочапал к окну, задрал ставни, впуская в комнату солнце. Потом переоделся, умылся и занялся своими обычными нехитрыми делами. А потом, нескоро, встретил своего давнего друга, супермутанта Риза Шортэндлонга.

Ризи не понял, что именно этот человек и есть Дюшка.

Глава 3. Беон Фи

Ночь под ногами была яркая, а над головой – темная. Варя Воронина смотрела только вниз, потому что, если упереться взглядом в небо и случайно взглянуть на него не обычным взглядом, а мутангельским, можно свихнуться, ну правда! Варя Воронина жила на уровне Пи уже почти полгода, ко многому привыкла, но вот к небу Мебиклейна – нет.

Во многих местах уровня Пи небо вполне себе обычное, хоть и разное. Например, возьмем Онн – дом, в котором Варя провела свою первую осознанную ночь на Пи и который Янанна ей подарила. Если выглянуть из тех окон Онна, которые ведут к морю, будут видны одно солнце и две луны (разумеется, смотря в какое время суток выглядывать). Если выйти из Онна во внутренний садик, можно наслаждаться прекрасным видом двух солнц и изредка луной (изредка – потому, что ночь там бывает от силы полчаса за сутки, а сутки во дворике длятся не так, как везде, а неделями). К этому тоже сложно привыкнуть, а понять еще сложнее. Но все-таки голова не кружится, когда смотришь. А в Мебиклейне пространство сплетается столь хитро и сокращалок так много, что... что в небо лучше не смотреть вовсе. Во всяком случае, мутангельски. Во всяком случае, Варя.

Итак, Воронина сидела на карнизе своего двести пятого этажа, свесив ноги и наблюдая за огнями ночного города. Упасть она не боялась. Во-первых, любой падающий предмет уже на уровне следующего этажа мягко бы подхватила защитная сетка, ведь все стены Мебиклейна оборудованы самовывлевающимися сетками. Во-вторых, если бы ни одна сетка вдруг не сработала, сработало бы покрытие крыши сотого этажа, над которым она сидела. В-третьих, даже если бы вообще ничего не сработало (что совершенно невероятно, сами понимаете!), убиться насмерть на Пи вообще практически невозможно, потому что все твои части соберут по кусочкам, склеят или отрастят новые... А мозги? Варя задавала этот вопрос не Янанне, но Чичу Гырмыровичу (полное имя Чича она никак не могла запомнить).

Чич Гырамджанахварамширунатдзиэ подтвердил худшие Варины опасения. Он сказал:

– Со сборкой мозгов могут быть некоторые проблемы. Часть памяти может быть потеряна. Причем значительная часть. Так что в некотором роде ты будешь уже не ты.

И будничным тоном прибавил:

– Ну, собственно, тебе-то не привыкать...

– В каком это смысле?! – удивилась Варя. – Разве я когда-то теряла свою память?

– Постоянно, ежедневно, всю жизнь! – бодро подтвердил Чич. – И память теряешь, и личность меняешь. Вот смотри, ты помнишь, что ты делала шесть лет и один день назад?

Варя не помнила.

– А шесть лет и два дня назад?

Варя была вынуждена признать, что и с воспоминаниями об этом дне наблюдается некоторый напряг.

– А ты согласна с тем, что за эти шесть лет ты сильно изменилась и уже не являешься той личностью, которой была тогда?

Против этого тоже было не поспорить.

– Можно подумать, ты помнишь, что с тобой было шесть лет и два дня назад! – сказала тогда Варя Чичу.

Но оказалось, Чич помнит. То есть при необходимости может все вспомнить до мелочей. Потому что у него, как и у большинства жителей Пи, подключена функция дополнительной памяти. Память Чича архивируется каждые двадцать – сорок – шестьдесят дней (по мере наполнения блока), так что в самом крайнем случае он может потерять несколько десятков дней своей жизни. Да и то с вероятностью один на мил лиард.

– Здорово! – восхитилась Варя. – Я тоже хочу подключить дополнительную память. Адресок дашь? Где это у вас можно сделать?

Оказалось, для Вари – пока нигде. Поскольку ее личность еще не полностью сформирована (в силу младенческого возраста, ей же еще и сотни лет не исполнилось!), и подключать ей доппамять ни в коем случае нельзя. Правда, можно фиксировать ее жизнь со стороны: делать фотоснимки, записывать все на видеокамеры и так далее.

На следующий день после этого разговора Чич прислал ей в подарок миниатюрного дрона, размером не больше обычного городского чирикоптерикса ее родной Земли-11. Дрон запускался автоматически, летал почти бесшумно и честно снимал Варю с самых разных ракурсов, так, чтобы потом можно было смонтировать интересный сериал о каждом дне ее жизни до... До ста лет? До становления личности? До момента подключения дополнительной памяти?

Сейчас Варя сидела на карнизе двести пятого этажа, болтая ногами и размышляя о разных разностях, а дрон дрых рядом, видимо, считая, что ничего интересного в ближайшее время не произойдет и включать камеру нет необходимости. Внешне дрон был похож на маленького человечка с ножками и ручками (на самом деле это были цеплялки, не все же снимать с воздуха, по поверхностям тоже надо как-то передвигаться). Вместо попы у человечка были два шарообразных колеса (по ровным поверхностям он мог катиться колбаской, точнее, на двух колбасках). Головы как таковой не было, но были два эльфийских уха-звукоуловителя. Уши дрона никогда не спали, то есть не отключались полностью в целях собственной безопасности, поскольку в квартире Вари жил его враг, хищный котенок Тафик, которого рыбой не корми, дай поохотиться на бедного неживого дрона.

За время пребывания на Пи Тафик вырос почти вдвое, но остался котенком. Так захотела Варя, и Янанна сказала, что они могут исполнить эту просьбу, хотя формально личность котенка также еще не сформирована, поэтому вносить изменения нежелательно. Но это, так сказать, де-юре (то есть с точки зрения закона). А де-факто (то есть на самом деле) закон немного обошли, и Тафик остался котенком с возможностью изменений в будущем. Все жуткие датчики, которые были помещены в животное сотрудниками СУМАСОЙТИ, были, естественно, немедленно извлечены, а вместо них в речевой центр мозга Тафика ветеринары уровня Пи внедрили крошечную микросхему, позволяющую со временем научить котенка разговаривать. Пока что Таф не разговаривал, а мяукал, мурлыкал, фыркал и изредка рычал на дрона, устрашая его перед очередным нападением.

Сейчас Тафик спал, а Варя думала о нем, о Дюшке и о том, как сложно и полосато устроена жизнь. Из плюсов и минусов. Плюсов больше, но минусы такие минусы, что...

– Я буду думать вслух, а ты не снимай! – приказала Варя дрону-эльфу.

– Буду снимать в режиме «строго секретно»! – предложил дрон. – Доступ единственному лицу – тебе. Знаешь, как тебе через тыщу лет будет прикольно на это смотреть! Ха-ха, как прикольно!

Варя скривилась: и зачем Чич обучил ее видеокамеру словечкам «прикольно» и «ха-ха»? И почему на «ты», что за фамильярность?!

– Ладно, как знаешь, – махнула рукой Воронина. – Только сверху не снимай, мне мой клюв при виде сверху не нравится.

– Смею заметить, тебе вообще твой клюв не очень нравится, – нахально ответил дрон.

«Смею заметить – это явно из лексикона Чича, будь он неладен!» – подумала Варя, но дрону не ответила. Варя относилась к разряду здравомыслящих мутангелов, которым не приходится в голову обсуждать свои личные проблемы с роботами. Она подождала, пока камера включится, и начала рассуждать вслух:

– Итак, плюсы. Я теперь мутангел. У меня все хорошо. Конечно, у меня пока нет доппамяти, но это ерунда, что, я каких-то жалких сто лет без нее не проживу, что ли?

Варя поежилась. Над Мебиклейном было тихо и морозно.

Диди. Если переводить на градусы Цельсия, то было примерно минус два. Зима в Мебиклейне мягкая, климат приближен к субтропическому. Примерно как в Сочи на Земле-12.

Начинало светать.

– Рассвет, – сказала Варя. – Самое мое любимое время, перед рассветом. Эй, не снимай мой клюв снизу, снизу он мне тоже не нравится!

Дрон послушно направил камеру на светлеющую полосу горизонта. Вид на горизонт отсюда был почти идеальный. Немного мешали небоскребы справа и огромный беон вдалеке.

Беоны бывают разные, но чаще они совершенно бесформенные, и их архитектура может меняться в зависимости от того, что в этом беоне происходит, то есть что там создается.

В беоне можно создать три вещи:

- себя;
- Мебби Клейна;
- новый мир.

Теперь что касается третьего пункта. Прокладывание сокращалок – это видоизменение пространства, которое во многом схоже с созданием нового мира. Именно поэтому в беонах проводится основная часть тренировок по строительству сокращалок.

Некоторое время Варя смотрела на нежно-золотые купола одного из самых крупных беонов Мебиклейна (они не подсвечивались, а сами излучали легкий золотистый туман, из-за чего на видео получались нечетко, как в дымке), потом очнулась от завораживающего зрелища и сказала:

– Ладно, продолжаю. Плюсы. Я – мутангел, у меня все хорошо, и я живу в раю. Тут все круто. В школу ходить не обязательно. У меня куча модной одежды. У меня появились друзья. Им нравится, как я хрюкаю, когда пою. Я летала на драконе. Я была Мебби Клейном. У меня из пальцев тянулась мутонить, с помощью которой можно строить сокращалки. Это была магия!

– Кхе-кхе, – деликатным покашливанием прервал ее дрон. – Смею заметить, что магии в природе не существует. Становясь Мебби Клейном, то есть другим существом, ты приобретаешь способность взаимодействовать с пространством иным образом, и называть мутонить магией – это глупость, кото...

– Заткнись! – не выдержала Варя. – Что ты в этом понимаешь?! Ты же просто видеокамера!!!

– Я – высокоинтеллектуальная камера!

– А ну, лети ко мне!

– Зачем? – чувствуя подвох, поинтересовался дрон.

– Лети, говорю!

Дрон подлетел. Варя сцапала его поперек туловища.

– Где тут у тебя выключалка говорилки?

– Кнопка «желтая нотка», нажать два раза, – равнодушно подсказал дрон.

– А красная нотка?

– Красную не отключай, это предупреждение об опасности. – На этот раз в голосе человека явно чувствовалась тревога.

– Какая еще опасность может мне грозить в раю? – фыркнула Варя.

– Тебе нет, а мне – да, – возразил дрон. – Твой хищный котенок. Если ты не нажмешь на красную нотку, я смогу защитить себя голосом, вот так... Гав! Гав!

Варя рассмеялась, махнула рукой и нажала два раза на желтую нотку, не прикасаясь к красной.

– Это ты еще моего хищного дракона не видел! – сказала она.

Но дрон ей не ответил, поскольку из высокоинтеллектуальной машинки временно превратился в обычную автоматическую видеокамеру (Варя сообразила, как вытащить из него дополнительные мозги, вставленные Чичем).

Почти совсем рассвело. Ночное освещение города медленно линяло, теряло силу и очарование. Пространство между домами потихоньку заполнялось машинами. Варя уже знала, что в основном это роботы: мойщики стен и окон, инспекторы сеток и прочей безопасности, утренние курьеры. Продукты и другие тяжелые предметы доставлялись наземным транспортом, им по большей части управляли люди, и в такую рань они почти все еще спали.

Диди. Все население уровня Пи – мутангелы, за очень небольшим исключением (как правило, это те, кто попал на Пи, не успев стать настоящим мутангелом, и находится, так сказать, в процессе). Однако во многих областях уровня Пи принято называть всех жителей именно людьми, а не мутангелами, так уж исторически сложилось. Термины «люди» и «человек» не распространены в таких областях, как Ихтия, Стэ-Энэ-Тохи и еще нескольких, в которых гуманоидоподобных мутангелов практически нет.

– Теперь минусы, – вздохнула Варя. – Минусы... Минусы, и еще какие! Я люблю Дюшку, а он теперь – ангел. Ну, скорее всего ангел. Второй минус – возможно, я люблю его не навсегда, так уверяет Янанна. Она сказала, что, поскольку моя личность еще не сформирована, я могу его разлюбить, например, уже завтра или лет через пятьдесят. И влюбиться в кого-нибудь другого. Третий минус – Земля-11 погибла...

Варя расплакалась. Дрон поснимал немного, как она плачет, и отключился. Из-за гибели своей родной планеты Варя рыдала регулярно, таких исторических кадров он наснимал предостаточно, и делать очередной дубль не имело никакого смысла. Оплакав свою планету, Варя, как всегда, вспомнила о том, что раз она поставила гибель планеты на третье место, а личные интересы на первые два, значит, не такой уж она и мутангел. Ибо как можно отвечать за все происходящее, если первым делом думаешь о своем парне, а не о катастрофах космического масштаба? Поплакав еще немного по этому поводу, Варя в последний раз высморкала свой роскошный клюв и сказала:

– В общем, минусов тут немного, но они ужасные. Так что мне нельзя сидеть, свесив ноги, а надо приниматься за работу. А то получается не уровень Пи, а какой-то уровень Тьфу! Или уровень Плак-плак.

Дрон всполошился и начал опять снимать. «Приниматься за работу» – это было что-то новенькое.

– Сегодня я впервые отправлюсь в беон, чтобы опять попробовать стать Мебби Клейном и все-таки добраться до своей планеты. Пусть Янанна и не верит, что это возможно, но я верю. И никто мне не мешает, никто!!!

Собственно, никто и не собирался ей мешать. На Пи вообще не принято мешать другим.

– Пока можешь не снимать, и вообще до моего возвращения ты свободен, – объявила Варя эльфу-дрону – В беоне есть свои очень точные фиксаторы происходящего, без этого беон не беон!

Дрон влетел в комнату, нашел укромное место (подальше от Рыжего Тафанаила) и вырубился. А Варя отправилась умываться, переодеваться, завтракать и морально готовиться к перевоплощению в Мебби Клейна.

Варя никогда еще не бывала в беонах и слабо представляла себе, что это вообще такое. Ей казалось, что внутри они должны состоять из классов и кабинетов – что-то среднее между школой и поликлиникой. Главное – записаться. А потом тебя осмотрит врач, отправит на необходимые анализы, скажет, что именно надо изменить, чтобы стать другим существом и... И дальше, очевидно, придется отправиться в класс, чтобы выучить разные штучки-дрючки, кото-

рые полагается знать другому существу. Языки, например. Потому что ясно ведь, что если тебя занесет на другую планету (допустим, ты ошибся с направлением и построил сокращалку не туда, куда хотел), то тебе придется налаживать контакт с жителями этой планеты, а для этого надо знать их язык. «Еще, наверное, придется учить психологию», – подумала Варя. В школе на Земле-11 у них был такой предмет. Нельзя сказать, чтобы он Ворониной нравился, но ничего, терпимо. Математика в любом случае гораздо хуже! Мысль о математике была столь неприятна, что Варя бросила подкрашивать глаза и обратилась к компу «Нужна ли математика для Мебби Клейна?»

Любой поисковик Земли-12 выдал бы сотни тысяч ссылок при таком запросе, в него попали бы и ссылки на Википедию, и на онлайн-конференцию с каким-то писателем-фан-тастом, и многое другое. Поисковик уровня Пи выдал всего два ответа и одно вопросительное предложение. Ответы были такие: «Да» и «Требуется знание высшей математики в максимально расширенном объеме». Вопросительное предложение было такое: «Вы хотите пройти тест на знание математики, чтобы мы могли подготовить вашу индивидуальную программу для дальнейшего овладения этой наукой?»

– Жопа, – скривилась Варя и, вспомнив, что дала себе слово не ругаться, исправилась: – То есть суслик, полный суслик.

Строго говоря, на Земле-11 «полный суслик» приравнивался к ругательству, но на Пи упоминание этого архаичного зверька не вызывало ни у кого никаких неправильных ассоциаций, так что ничего страшного.

Нарезав несколько нервных кругов по комнате и слолав для успокоения мандарин, Варя докрасила глаза и опять подошла к компу.

«Я никогда не пробовала работать в беоне. С какого беона мне начать?»

На этот раз ответ был один, еще более категоричный: «Беон Фи». И никаких вопросов-предложений.

Варя вздохнула, почухала за ушком Тафика (он и не подумал проснуться), облачилась в новенькое приталенное пальто с очень оригинальным низом, переходящим в шаровары, выкроенным отдельно и немного отстоящим от основной одежды за счет электростатического напряжения. Глянула на себя в зеркало. Дополнила образ шарфиком, который также держался на некотором расстоянии от пальто. Осталась очень довольна своим модным внешним видом (внутренний ее «вид» оставлял желать лучшего, перспектива учить математику не вдохновляла) и, наконец, вышла.

На улице Варя привычно активировала навигатор, подойдя к ближайшему инфостолбику, и посмотрела под ноги по-мутангельски. Под ногами замигала стрелочка, высветив предположительное время в пути в секундах, предположительные затраты организма в калориях и точное расстояние до объекта. Идти было недалеко. То есть очень далеко, если смотреть на прямое расстояние. Но если учитывать две сокращалки, как предлагал навигатор, то минут десять, не больше. Но над улицей кружил легкий снежок, первый снег в этом году, было так нежно, так романтично! Варя попросила навигатор построить более длинный маршрут.

– Через парк Тинититау устроит? Двадцать минут по парку. Три сокращалки. Плюс пять минут от последней до беона Фи.

– Отлично! Спасибо!

Парк Тинититау располагался за чертой города (а Мебиклейн – огромный город, его совокупная площадь примерно равна площади такого государства, как Австрия Земли-12). Варя еще не успела там побывать, однако знала, что это – одно из любимых мест Паолы и Матиасса. Пройдя по стрелочкам до сокращалки, расположенной рядом с ее любимой кондитерской (в соседнем доме), Варя не удержалась, сошла с маршрута и купила коробочку капкейков.

Когда и если вы станете мутангелом и попадете в Мебиклейн и если и вдруг у вас останутся малейшие сомнения о превосходной прекрасности этого места, отправьтесь на прогулку

по Тинититау, отправьтесь туда! Пусть даже в этот момент не будет кружить над ним первая робкая белоснежная взвесь короткой южной зимы; пусть даже по роковому стечению обстоятельств не будут цвести вечноцветущие кусты шеоле, отдыхающие от цветения всего несколько дней за сезон; пусть даже случится так, что именно в это время все птицы-бабочки спрячутся в листе, похожей на кружево, – пусть. Он все равно будет верхом совершенства, он, Тинититау!

Путь по парку, занимающий с точки зрения навигатора двадцать минут, Варя преодолела за час. Птицы-бабочки ели капкейки с ее ладони, снежинки ложились на нежно-сиреневые и кроваво-вишневые цветы шеоле, а ручьи-фейерверки, возникающие прямо в воздухе, застыли невероятными всполохами и осыпались на землю с тихим звоном. Варе хотелось петь и хрюкать и, может, попробовать сочинить свою песню, но она постеснялась. «Жалко, что я не поэт и никогда не стану... Мебби Клейном бы стать!» – подумала Варя, помахала на прощание птицам и нырнула в последнюю сокращалку, готовую вывести ее к беону Фи.

Беон Фи оказался не бесформенной горой застывших золотистых сливок, а вполне строгим архитектурным сооружением стиля модерн (впрочем, Варя могла ошибаться, она не очень разбиралась в стилях). Здание было построено в виде пологой спирали, видной сбоку. Представьте себе широкую арку, правый край которой закрутили вовнутрь, сделав всего два оборота. Вход был в центре, к нему вела лестница, не спиральная, ровная, состоящая из двух пролетов, один больше, второй меньше. Фасад здания был украшен формулами. Варя запомнила только одну. Буква «Ф» равнялась единице плюс длинной дроби, в числителе опять была единица, а в знаменателе – та же дробь (единица плюс дробь, в числителе единица, в знаменателе единица плюс...). Знаменатель получался бесконечный, он уходил под землю, в необозримую глубину. Варя вздрогнула и перестала смотреть на фасад мутангельским взглядом, ибо уходящие в бездну знаменатели – это уже слишком. «Надеюсь, все-таки обойдется без математики!» – подумала Варя, мужественно выдохнула и поднялась по лестнице в центр спирали.

Диди. Чтобы представить себе фасад здания, достаточно набрать в поисковике «Фи» и «Золотое сечение». Одной из первых картинок будет спираль. Одной из первых формул – бесконечная дробь.

– Свет вам в спину!!!

На самом деле свет, и довольно сильный, ударил Варе в лицо, как только она переступила порог беона. Так что разглядеть, кто ее приветствовал, было никак невозможно. «Теперь понятно, почему это для жителей Пи важнее, чем пожелание здоровья! – подумала Варя. – Здоровье что? Пошел и прокачал. Ноль проблем. А вот свет в лицо – это засада...»

Выйдя из светового круга (он был автоматическим идентификатором), Варя поприветствовала встречающую ее девушку и, сбиваясь, объяснила цель своего визита. Девушка надолго задумалась. Она смотрела на результаты идентификации (несколько листов таблицы, заполненной циферками и буковками) и явно тупила.

– Видите ли, я уже была Мебби Клейном, – продолжила Варя. – Мы строили сокращалку с Янанной...

– С Янанной Периваджастиномиитэ... – фамилия Янанны оказалась столь длинна, что девушке потребовалось больше минуты, чтобы ее прочесть до конца, впрочем, она блестяще справилась с этой задачей. – Я не ошиблась?

– Эмм... – Варя впервые услышала фамилию Янанны, поэтому предпочла оставить вопрос девушки без ответа.

– Ясно, можете не отвечать, – поняла девушка и опять уткнулась в циферки и буковки.

Варя молча ждала. Пока ждала, потихоньку осматривалась. Холл беона оказался очень небольшим, хотя размерчики самого беона были солидными. Три диванчика, пара миниатюрных скамеечек, стойка, как в обычных отелях (за ней и стояла девушка), закуток с лифтами

(отсюда видны три), несколько входов в сокращалки, небольшая огороженная территория – вероятно, это вертикальные сокращалки, Варя еще никогда ими не пользовалась и немножко их побаивалась.

Наконец девушка оторвалась от циферок и проворковала:

– Вы знаете, к сожалению, вы не сможете стать Мебби Клейном... прямо сейчас. И даже пытаться... разве что очень нескоро...

Оценив степень Вариной разочарованности (прямо пропорциональной предательскому дрожанию губ и усиливающемуся блеску глаз), девушка быстро и бодро добавила:

– Стать Мебби Клейном очень сложно. Надо начинать с более простых вещей. Без этого никуда. К тому же это безумно увлекательно!!!

Последние слова девушка произнесла с таким неподдельным энтузиазмом, что Варя немедленно ей поверила.

– Да я это... я и не думала, что прямо сегодня стану Клейном, – улыбнулась она. – Это у меня так, программа на будущее. Просто я не знаю, с чего начать...

– С себя! С себя начать! – Энтузиазм девушки возрос до предела, граничащего с неадекватностью. – Вы готовы начать с себя?

– Не знаю, – честно призналась Варя. – А можно мне для начала попробовать построить новый мир? Ну хотя бы ма-а-аленький?

– Можно все! – уверенно кивнула девушка. – В смысле – попробовать можно. Давайте я вас про вожу...

Пока они поднимались на лифте и шли по какому-то кривому коридору девушка уговаривала Варю все-таки начать с себя, а не с мира. Потратить на себя, любимую, сорок-пятьдесят лет – и можно переходить к крохотному миру. А потом потихоньку и к мечте, к Мебби... «Через пятьдесят лет Ключкин станет старым стариком, если не станет ангелом!» – хмуро думала Воронина, топая по коридору за девушкой.

– Вы посидите, пожалуйста, тут, мне надо проверить помещение! – внезапно прочиркала ее сопровождающая и юркнула в какую-то дверь.

Варя осталась одна. Через несколько секунд девушкаина голова выглянула из приоткрывшейся двери и произнесла:

– К сожалению, вам придется немного подождать. Тут не совсем убрано... Была не вполне удачная попытка создания мира... Минут десять, ладно?

Не успела Варя согласиться или хоть как-то отреагировать, голова исчезла и вскоре опять высунулась:

– Можно подождать там, в конце коридора. Там и креслица есть, и вид из окон...

Варя проследовала в указанном направлении. За поворотом коридор расширился за счет глубокой ниши. В нише было окно, а перед ним два желтых шара, метра по полтора в диаметре. От нечего делать Варя протиснулась между шарами и принялась смотреть в окно. Вид из окна был не очень.

Не прошло и пяти минут, как где-то хлопнула дверь и раздались шаги. Варя оторвалась от созерцания запорошенного снегом дерева во внутреннем дворике и сделала шаг навстречу девушке. Но вместо девушки из-за поворота вывалился – в буквальном смысле вывалился – какой-то парень. Он был примерно на голову выше Вари. Волосы у него были всклокоченные, глаза безумные, а под глазами – внушительные синие круги. Парень ошалело посмотрел на Воронину, пробормотал что-то вроде «свет в... з... зв... ните» и бухнулся лицом в желтый шар. Потом застонал, сжал его края пальцами – левая кисть оказалась совсем рядом с Вариним лицом – и пробормотал отчетливее:

– Ну же, перев... верни меня! О-о-ой!

– Я-а?! – не поняла Варя.

Вот ей только не хватало всяких алкоголиков-наркоманов мордой вверх переворачивать! Но оказалось, парень приказывает не ей, а шару, то есть креслу. После переворота «мордой вверх» и удобного расположения в кресле, в которое превратился шар, парень перестал ойкать и затих. Варя осторожно, бочком, пробралась между креслами (левое все еще оставалось шаром) и решила лучше подождать в коридоре.

– Вы меня извините, если я вас напугал, – вполне обычным голосом, хоть и медленно, произнес за ее спиной парень. – Я гравитончики отключил, а по времени перебрал... Не рассчитал силы... Сильно напугал-то?

Варя повернулась:

– Нет, что вы, все в порядке!

«А он красивый! – невольно оценила она. – Может, и не наркоман...»

– Все равно извиняюсь еще раз, – повторил парень и, несколько поколебавшись, добавил: – Вы очень красивая.

Это было так неожиданно, что Варя... Варя растерялась и пролепетала:

– Ну... да... я... Спасибо!

– А меня Кирилл зовут, – представился парень. – Можно просто Кир. Если вы не против, я немного посплю, поскольку жутко хочу спать и... и есть...

– Ну... да... – Все парни-мутанты, которые раньше знакомились с Варей, вели себя несколько иначе, уж как минимум интересовались ее именем, поэтому она во второй раз растерялась.

– Слона бы съел... – признался Кирилл, зевнул и закрыл глаза.

– У меня капкейк есть, хотите? – Варя только сейчас сообразила, что по-прежнему держит в руках коробку из кондитерской. – Я птиц кормила, но один оставила. Хотите?

– Очень хочу... – проваливаясь в сон, ответил Кирилл.

– Вот, держите.

Но парень уже спал.

Варя хмыкнула, оставила коробку возле кресла и вернулась к двери, за которой скрылась девушка-служанка. Постояла немного в коридоре. Поскучала. Потом любопытство взяло верх, и она тихонечко приоткрыла дверь. А за ней!!!

– Мапочка моя родная, что это?! Что это?! Что это-о-о-о???

Глава 4. Исключительная чуткость в сольном исполнении

Кивнув полосатой даме, Ризенгри Шортэндлонг взлетел по лестнице на второй этаж. Площадка второго этажа по размерам больше напоминала большую детскую комнату: игрушки, скамеечки, стены в рисунках... Даже качели в углу стояли. Двери, правда, тоже были, целых четыре штуки, с номерами от одного до четырех. Риз справедливо решил, что квартира номер восемь, очевидно, находится этажом выше. Но площадка следующего этажа, представляющая собой что-то вроде мини-кафе, имела двери с номерами опять-таки от одного до четырех! Риз протер глаза и поднялся еще на этаж. Эта площадка была пустая, с номерами три, пять и шесть. Еще выше этажом располагалось некое подобие музея народного творчества и квартиры шесть и семь. Чувствуя, что его цель близка, Риз взбежал выше. Новый холл явно предназначался для проведения дискотек в стиле «девичник для Барби»: зеркала в ядовито-розовых рамках, бантики, ленточки. Восьмой квартиры тут не было, зато квартиры шесть и семь повторялись. Не переставая удивляться такому огромному количеству двух- и, получается, даже трехэтажных квартир, Риз продолжил подъем. На следующем, предпоследнем, этаже, по всей видимости, шел ремонт. Из стен торчали куски арматуры, повсюду валялись битые кирпичи, стекла, обрывки бумаги и прочий строительный мусор. На единственной двери этого этажа (кроме выхода к лифтам и лестнице) флуоресцентной зеленой краской криво, через всю дверь, было написано «16 Н». Риз тупо уставился на кривую «16Н» и принялся шевелить извилинами. Ладно еще, шестнадцать, но при чем буква Н? Мутант Шортэндлонг попытался рассудить логически. У входа в подъезд была табличка: «Квартиры 1 –16». Это он помнил отчетливо. Квартиры от 1 до 7 он нашел. Если он не ошибается, – а Риз был абсолютно уверен в том, что он не ошибается, – только квартира номер пять не повторялась, а остальные были многоэтажные. Квартир от восьми до пятнадцати в подъезде не было, это точно! На всякий случай Риз поднялся еще выше и окончательно оторопел: весь верхний этаж был объединен в один огромный зал под большой прозрачной крышей. Тут было море зелени и цветов, овальная площадка для игры неизвестно во что, мольберты и еще всякая всячина. Главное: никаких квартир тут не было. Людей практически тоже. В самом дальнем углу спиной к нему копошились две девчоночьи фигурки. Риз вернулся на площадку с мусором, обошел ее по периметру. Нет, все верно: одна квартира, шестнадцать. Букву можно в расчет не брать. Риз воровато оглянулся и юркнул сквозь дверь шестнадцатой квартиры.

В шестнадцатой квартире была киностудия. Или что-то очень близкое к тому. В небольшой костюмерной рядами на полках лежали парики и маски вампиров и монстров, на столе в зале красовалось недоделанное чучело гигантского скорпиона, с потолка коридора свисала мощная проволочная паутина в какой-то оранжевой слизи. Все окна оказались тщательно занавешенными тяжелыми солнцезащитными шторами. Кинокамер не наблюдалось, наверно, их спрятали. Нет, явно это не была квартира, в которой мог бы жить Риз.

Риз выбрался обратно на лестницу и спустился на розовую площадку с шестой и седьмой квартирами. Обилие зеркал и бантиков наводило ужас и отдавало шизофренией. Риз мужественно подавил в себе естественное желание немедленно вернуться к добродушному чучелу скорпиона и вскоре за одним из зеркал нашел вожденную дверь номер восемь. Правда, квартир с девятой по пятнадцатую по-прежнему не было, но это мутанту Шортэндлонгу было теперь, как говорится, «до фени». Дверь номер восемь оказалась незапертой. Риз вошел, чувствуя себя скорее мелким воришкой, нежели хозяином.

Закуток, в который он попал, назвать квартирой было никак невозможно. В нем даже прихожей не было, даже туалета! Крохотная квадратная комнатенка с коротеньким и вроде

не раскладывающимся диваном, письменный стол с креслом. Над столом – четыре полки с книгами. Вокруг полок на стене – рисунки в рамках, сердечки, узелочки. Все. Ни одежды, ни посуды, ни телевизора, не говоря уже о компьютере. Первая мысль Риза, посетившая его после беглого осмотра нового жилья, касалась ангелов. Мысль эта была очень короткой, из четырех букв, и обозначала жизненно важную часть тела, состоящую из двух половинок и находящуюся чуть ниже спины. Наличие этой части тела позволяет человеку комфортно сидеть и лечиться посредством внутримышечных уколов.

– Ну хорошо, – сказал Риз вслух на тот случай, если эти гребаные ангелы находятся где-нибудь поблизости и могут его слышать. – Квартиру свою я нашел. Очень неплохо. Даже уютно. Спать можно на диванчике, превращаясь на ночь в лилипута. Купаться и стирать одежду буду в речке, около луга, на котором я проснулся. Ходить, конечно, далековато, ну да ладно. Еду, наверное, на первых порах придется воровать. Тут уж вы меня простите, хоть я и мутант, но жрать мне надо. А так, вообще, спасибо. Что не уничтожили и не отправили в пещеру к динозаврам. Что способности мои не тронули. Память. Хотя про память мне трудно точно сказать – фиг его знает, может, я еще сто жизней каких-нибудь прожил, кроме тех, о которых помню. Но все равно, большое спасибо.

Риз замолчал. Впрочем, его старания были совершенно напрасны: ни одного ангела вокруг не было. И вообще посещать Землю-4 они в ближайшее время не собирались. Земля-4 была стабильной планетой с доброжелательным, уравновешенным населением, не пригодным для вступления в Ангелосоюз и не имеющим ни малейшего понятия о том, что в природе существуют самые разные миры, нематериальные силы и альтернативные варианты развития событий. Люди на Земле-4 рождались, проживали по долгой счастливой жизни (строго по одной на каждую особь) и умиротворенно превращались в прах, который потомки трепетно хранили в специальных коробочках. Ангелы правильно делали, что не появлялись на глаза людям с Земли-4 и не забивали им головы сказками о вечном существовании. Ребенок может плакать и требовать мороженого и аттракционов только в том случае, если он знает о том, что эти штуки вообще как таковые есть. А если мороженого нету, то: «Чего тебе, малыш? Соску-пустышку? На, пожалуйста, соси, сколько угодно! О чем вообще базар?»

– Попробую теперь найти какие-нибудь документы и вообще посмотрю, что у меня тут есть, – опять-таки вслух произнес Риз, и опять-таки, разумеется, смысла в этом «вслухе» не было никакого.

Ризенгри подошел к столу и решительно вытряхнул содержимое ящиков на диван. Конспекты, тетрадки с задачами, куча черновиков, толстый блокнот с адресами, опять сердечки какие-то, – наверное, подарки от девочек, ручки, карандаши, прочая ерунда в том же духе. По надписям на тетрадках Риз понял, что он, Вениамин Бесов, в этом мире – и в самом деле ученик седьмого «А» класса второй экспериментальной средней школы города Припушино. Назначение некоторых вещей было непонятно. Например, в отдельной плетеной шкатулке хранилась плоская серебристая коробочка, аккуратно запаянная. На коробочке детским неустоявшимся почерком было написано: «Бобик». Риз ткнул мизинцем в коробочку и нащупал внутри горстку пыли. Пожал плечами, вернул все на место. Следующей непонятной вещью оказались пластины с мелкими шариками – таблетками. Пластин было пять, все разные, все початые, на оборотной стороне каждой – сложные формулы, незнакомые символы, знаки. Еще были пакетики с жидкостями. Три штуки. К каждому пакету прилагалась трубочка, но не такая, как для коктейля, а из более плотного материала, с закругленным краем с одной стороны и винтовой нарезкой – с другой. Риз попробовал прикрутить одну такую трубочку к бежевому пакету в указанном на нем месте. Ему это удалось без труда. Но при последнем повороте пакетик послушно прорвался, и его содержимое хлынуло через трубочку прямо в лицо Ризу. Риз инстинктивно отдернулся, вслед за чем попытался поймать ртом остатки жидкости, похожей на сильно разбавленное топленое молоко. Вкус у «молока» оказался отвратительный и горь-

кий. На его прежней планете глаза дикого покусодонта – и то были куда вкуснее! Риз сплюнул, вытер мокрые руки об шорты и решил не экспериментировать пока с местными напитками.

Один из ящиков целиком занимал огромный альбом, наполовину заполненный разнообразными узелками. Риз вспомнил, что на его родной Земле-11 когда-то существовало племя, придумавшее специальное узелковое письмо – кипу. Возможно, эти узелки тоже были своего рода письменностью?

Никаких удостоверений личности даже при самом тщательном осмотре так и не обнаружилось. Также не было ни единой фотографии, ни одного иллюстрированного журнала, дезодоранта, браслетика-телефона или просто телефона, бумажных денег или монеток, какой-нибудь завалящей конфетки, жвачки или хотя бы оберток от них, указывающих на то, что такие вещи тут когда-то водились. То, про что Риз подумал, что это крем для рук, оказалось клеем. Значок на булавке на самом деле был резинкой, стирающей след от ручки. Носовые платки – чем-то вроде визитных карточек.

Оттерев клей с рук одной из визиток, Риз приступил к обследованию книжных полок. Половина книг была учебниками по химии, вторая половина – учебниками по психологии. Несколько брошюр не в общую тему: про растения, про насекомых, пара-тройка романов. Ни фантастики, ни комиксов, ни про машины, ни про спорт. Риз расчистил себе кусок места на диване, плюхнулся на него, закинув ноги на груды тетрадок, и задумался.

Итак, он теперь – опять Венька Бесов, на сей раз ученик седьмого класса, интересующийся психологией, химией и червяками-бабочками. На другой планете – и опять Венька, опять Бесов... Кстати, а куда делся настоящий Венька, который жил тут до него? Утонул? Сбежал в деревню к бабушке? И как он тут жил в таких условиях? Ни чашки, ни подушки, ни компьютера. В конце концов, у его предшественника должна была быть хотя бы сменная одежда! Но ведь и ее-то нет! Чужь собачья получалась, полная чужь. Риз решил выяснить, как на этой планете живут другие люди – может, так же?

Недолго думая он встал ногами прямо на диван и осторожно просунул голову в стенку, в соседнюю квартиру номер семь. Глаза Риз вывел вперед носа, и правильно сделал: прямо по курсу перед ним маячил чей-то затылок. Риз моментально нырнул обратно, вышел из своей комнаты в розовый холл и попробовал проникнуть в седьмую квартиру через входную дверь. Собственно, проникать бы и не потребовалось, дверь номер семь была не заперта. Но Риз все-таки юркнул в нее обычным способом. Тут же сориентировался на местности и взлетел под потолок, на широкий шкаф. Спрятав тело в глубине шкафа, Риз оставил голову на поверхности, скрыв ее за большой аляповатой вазой, из которой торчали ветки вьющегося растения с яркими цветочками. Обнаружить мальчика было практически невозможно.

Комната оказалась большая, солнечная, со светло-светло-серыми стенами, мебель в ней стояла просторно. Широкая арка с левой стороны вела в помещение таких же тонов и размеров, узкая арка наискось от Риза соединяла комнату с лестницей, ведущей вниз. Человек, чей затылок Риз увидел из своей комнаты, теперь стоял к нему боком. Кроме него, в комнате находилось еще двое мужчин и три женщины. Все они возбужденно о чем-то разговаривали. Риз подумал, что если бы вместо него в комнату вошел слон, то эти люди и слона бы не заметили. Но он был не прав. Просто земляне-4 никогда не входили без стука. Даже постучав и услышав ответ «Войдите!», землянин ни за что не входил, а дожидался, пока хозяин не откроет ему заведомо не запирающуюся дверь и не проведет внутрь лично. Риз не сразу понял, что разговор идет о нем, причем называют его исключительно «Наш Герой». А переодетую в коричневую хламиду и невесть когда успевшую перекрасить волосы в дымчато-оранжевый цвет Миляишу он узнал исключительно по голосу и тоже не сразу.

Из трех присутствующих мужчин один вел себя как хозяин. Он заботливо задернул штору, когда солнце сместилось таким образом, что его лучи стали попадать Миляише в лицо, раза три спрашивал, комфортно ли чувствуют себя гости, куда-то периодически выходил, каж-

дый раз неизменно дважды извиняясь: прежде чем выйти и сразу после возвращения. Хозяин был среднего роста и неопределенного возраста. Скорее старый, нежели средних лет. Он обладал некрасивым мясистым носом, подвижными толстыми губами и малопривычной привычкой время от времени их украдкой облизывать. Голос у него был неровный, дерганный, как у первоклашки при первом ответе у доски. Женщина, к которой он обращался чаще других, была, как Риз понял минут через двадцать, его матерью. То есть в смысле матерью настоящего Венки Бесова, место которого он теперь занимал. Ее называли не иначе как Мама Героя. Риз понял, что это имя появилось сегодня. Как звали ее до того, оставалось загадкой. Поскольку некрасивого хозяина квартиры называли Моисеич, Риз понял, что он не Отец Героя, не Дед Героя и, наверное, также не Дядя Героя. Так. Фу-у! Наличие мамы кое-что объясняло. Например, почему в собственной «квартире» Риза не нашлось ни еды, ни одежды.

Третья женщина, скорее всего, была корреспондентка. Она задавала вопросы о детстве Героя, его увлечениях и т. д.

– Как вы думаете, почему он, после того как спас скорого помощника Бяк-Бяка, выбрал себе такое любопытное новое имя – Риз Шортэнгл? – спросила она Маму Героя.

По ее тону любой нормальный человек смог бы догадаться, что она считает имя «Риз Шортэнгл» не любопытным, а диким и странным. Но Риз не был обыкновенным человеком, и тон инопланетной корреспондентки его волновал меньше, чем африканского аллигатора северное сияние.

– Мне трудно ответить на этот вопрос точно. Лучше спросить об этом непосредственно у моего сына, – как бы извиняясь, ответила Мама Героя. – Правда, он задерживается...

– О! О! Безусловно, у него есть на то важные основания! – дружно бросились успокаивать ее двое мужчин помоложе.

Один из них был бородатый, в очках бредовой конструкции: два круглых стекла крепились к ободку, надетому на лоб. Второй был чересчур худой, просто доходяга.

– Вы знаете, – важно сказала Миляша, поворачиваясь к корреспондентке, – мне кажется существенным тот немаловажный факт, что Герой выбрал сущность Риза Шортэнгла до того, как спас Бяк-Бяка. Он шел по улице с таким отрешенным видом! Как вы считаете, это напрямую связано с его новой способностью – так глубоко чувствовать другого человека?

– Во всяком случае, опосредованная связь этих событий, несомненно, налицо, – задумчиво ответила корреспондентка.

Мужчина в странных очках встал с места и сделал шаг в сторону хозяина. Моисеич отвел руку в сторону, жестом пропуская гостя вперед и одновременно как бы указывая направление, куда тому следует идти. Гость прошел к внутренней лестнице, ведущей на нижний этаж. Риз опустил в шкаф и тихонько высунулся под потолком со стороны лестницы. Очкарик, заботливо провожаемый Моисеичем, проследовал в огромную ванную комнату. Она была, наверное, раз в пять больше «квартиры номер восемь». Моисеич вернулся наверх, а Риз, ни секунды не раздумывая, вылез из своего укрытия и проскользнул к ванной. Смежная с ванной комната оказалась спальней. В ней никого не было. Риз проник в спальню, привычно ввинтился в нужную стену, утонув в ней почти целиком, и принялся следить за очкариком. Место оказалось не самым удобным: лицо Риза чуть не вылезло прямо из ровной поверхности сбоку от внушительных размеров раковины. Пришлось остаться в стене, максимально приблизив глаза к внутренней поверхности. Картинка была как в тумане. Риз и сам не знал, для чего он сделал то, что сделал. Раньше он не замечал за собой ни малейшего желания подсматривать за людьми, справляющими свою нужду. Да и что там вообще подсматривать: ну, простите, какает человек или там просто писает, – эка невидаль! Было бы на что смотреть, верно? Но сейчас Ризенгри стоял, не шелохнувшись и следя за ничего не подозревающим мужиком, как кот за мышью.

Очкарик повел себя странно. Он открыл один из шкафов и извлек оттуда пакет, в точности похожий на тот, из которого Ризи попытался выпить молока, и еще один совсем малень-

кий пакетик. Затем немного подумал, маленький пакетик вернул на место, а большой приготовил для употребления, ввернув в него одноразовую трубочку. Затем разделся, взял пакет с трубочкой. Человек стоял к Ризу лицом, и подробности Шортэндлону поэтому видны не были, но через некоторое время даже ему стало бы ясно, что «сок» в пакете предназначался не для питья, а для совершенно противоположного действия. Риз немедленно вынырнул обратно в спальню, и его вырвало. Кстати сказать, впервые в жизни. Земля под номером четыре переставала ему нравиться, причем все сильнее и сильнее. Впрочем, никакого выбора у него по-прежнему не было.

– О’кей, Рональд Э-Ли-Ли-Доу, – пробормотал Риз, глядя на пустой пуфик в углу комнаты. – Это я так, случайно. Ты это, вот что... Не обращай внимания, вот.

Но ангел Рональд не сидел на пустом пуфике. Он вообще сейчас болтался очень далеко отсюда. Но ведь никому не дано знать, где находится его ангел...

Ризенгри полагал, что очкарик пробудет в ванной еще достаточно долго, поэтому вернулся на свой наблюдательный пункт, спокойно пройдя полпути по лестнице обычным способом. Но очкарик вернулся раньше, чем Ризи успел устроиться на своем месте поудобнее.

Разговор по-прежнему шел о Ризе. Напряженность по поводу того, что Героя слишком долго нет, все нарастала. «Да и впрямь, сколько можно прятаться?» – подумал Риз. Он проскользнул на нижний этаж, выбрался на общую лестницу, поднялся по ней в розовый холл и направился к двери номер семь. Не успел он к ней подойти, как дверь открылась и ему навстречу собственной персоной вышел Моисеич.

– Добрый день! – широко улыбаясь, провозгласил Риз.

Моисеич оторопело молчал. Его вид выражал такое безграничное удивление, что даже слабо разбирающийся в мимических тонкостях мутант Шортэндлонг понял, что сморозил несусветную глупость.

Диди. На самом деле правила взаимных приветствий на Земле-4 были предельно просты. Здраваться полагалось только с абсолютно незнакомыми людьми. Кивать, улыбаясь, – тем, кого в принципе в лицо знаешь, но не более того. Близких людей этикет предписывал никак не выделять при встрече. Логика в этом была четкая. Здраваясь с незнакомцем, ты демонстрируешь свое внимание к нему, расположение, заведомо положительный настрой. Человеку примелькавшемуся улыбаешься, как бы говоря тем самым: «Я выделил тебя из толпы, я тебя помню!» А не приветствуя друга, ты даешь ему понять: он всегда в твоём сердце, ты и не забывал о нём, ты помнишь все ваши разговоры и как бы продолжаешь их. Ты же не станешь говорить своему приятелю: «Привет, как дела?» посреди вашей с ним беседы! Вот и тут примерно так же.

– Мы тебя ждем, – сделав наконец вид, что все в порядке, произнес Моисеич.

– Да, я знаю, – кивнул Риз, – вас там шестеро. Трое мужчин и три женщины, включая мою маму. А очкарик спустился вниз, зашел в соседнюю комнату, и его там вырвало!

На этот раз пауза была еще длиннее. «Так вам всем! – подумал Риз. – Я по вашим правилам играть не могу, поскольку мне никто их не объяснил. Значит, вы будете играть по моим правилам. Пусть теперь в невоспитанных уродах походит очкарик, а не я!» Риз решительно обогнул Моисеича и вошел в его квартиру без стука. Моисеич на ватных ногах прошел следом и тут же спустился вниз, в спальню. Обратно он вернулся спустя минуту. На нем просто лица не было.

На следующий день в местной газете появился портрет Риза кисти художочного доходяги и огромная статья корреспондентки под названием «Исключительная чуткость Риза Шортэнда».

Глава 5. Лето, наполненное тайнами

Маша Малинина и Рино Слунс не вели счет дням, проведенным на острове. Это за них делал механический календарь, расположенный под большими часами на Овальной площади. Площадь и часы они нашли во время третьей или четвертой вылазки в город. Маша сразу догадалась о назначении странного устройства. Тонем, не терпящим возражений (то есть привычным своим тоном), она заявила:

– Это календарь. Цифры – номер дня. А из букв, это, очевидно, слова, – названия месяцев или недель.

Рино не считал все это таким очевидным. – А почему циферок три окошка? На самом деле окошек было четыре, но в четвертом, самом большом, заклинило шторку, и оно не работало. – Ну... Первое число, большое, показывает дни от начала года, – принялась рассуждать Маша. – Второе – день месяца...

– Ага, получается, в этом месяце у нас восемьдесят третий день!

– М-да, не сходится... А! Я догадалась! Это день от начала сезона! Восемьдесят третий день весны! Смотри, теперь все сходится, видишь, рядом картинка меняется? Скоро будет лето!

Рино присмотрелся. Картинка действительно менялась: металлическая пластинка (медная, что ли?) с изображением цветущего куста уползала влево, а на ее место выплывала пластинка с изображением солнца в смешных солнцезащитных очках.

Тщательное изучение календаря позволило предположить, что недели на острове делятся по десять дней, причем обязательных рабочих из них – вроде как только три. Сезоны делятся так: по сто дней – весна, лето и осень, а зима – всего тридцать три дня.

– А оставшиеся дни – что?

– Ты меня спрашиваешь?!

– Так больше некого!!!

– А я знаю?!

Самое жизнеутверждающее окошко на механическом календаре было расположено справа, отдельно от остальных. Пока в нем было трехзначное число, но каждый день, на рассвете, оно уменьшалось на единицу. А картинки рядом красноречиво подсказывали: как только на нем будет ноль, на остров приплывут и прилетят корабли с парусами и воздушные шары с подвесными корзинами. И, главное, появятся люди, а значит, все будет хорошо. Маша и Рино не сомневались, что благополучно дотянут до этого замечательного дня и к этому времени разгадают все загадки своего таинственного острова. А загадок была целая гора.

Во-первых, они так и не смогли понять, в какой точке планеты находятся. Рино немного увлекался астрономией, но не мог найти на небе ни одного знакомого созвездия. Это говорило о том, что их забросили в другое полушарие.

Во-вторых, ни Рино, ни Маша никогда не слышали о том, что на другом полушарии находятся острова, полные полудохлых, тупых и совершенно некусачих растений, которые даже перемещаться не умеют.

В-третьих, такие старинные каменные города и полное отсутствие электроники могло говорить о том, что они угодили в прошлое. В пользу этой версии было и то, что их оперхрюки не работали. Маша, любительница физики, эту версию Слунса не поддерживала, она была уверена в том, что путешествия во времени невозможны. Маша настаивала на том, что с ними снимают реалити-шоу Рино ей возражал, ведь ни единой видеокамеры они не обнаружили.

В-четвертых, тщательное исследование города и прилегающих к нему территорий (лесок, лагуна, два луга, скалистый северный берег и три крошечных грота) показало, что город еще совсем недавно был населен и был оставлен странно. Некоторые помещения покинуты давно,

заросли натуральной паутиной и покрылись естественным слоем пыли. Но из некоторых домов жители словно выселились в спешке, за пару-тройку дней до появления на острове Маши и Рино. Например, в одном доме, похожем скорее на склад, а не на жилой дом, Рино нашел огромный подвал-морозильник, а в нем внушительные запасы вполне съедобного мяса и рыбы, а также самых разнообразных продуктов, большую часть которых ребята видели впервые в жизни. На охоту и рыбалку теперь можно было не ходить!

В-пятых, в городе встречались некоторые очень странные... «витрины». Нет, эти... мм... постройки не напоминали витрины. Просто самая первая из них (первая, которая встретилась) была расположена рядом с дверью в посудную лавочку, и Маша приняла ее за витрину. Так они и стали их называть. Все витрины были довольно большие и на первый взгляд не странные. Произведения местного абстрактного искусства из кусочков матового цветного стекла. Словно какие-то неумехи планировали сделать витраж, но, вместо того чтобы расположить стеклышки аккуратно, накидали их абы как. Некоторые края стеклышек были оплавлены, словно на них воздействовали бямской или каким-то другим мощным лучом. Рядом с каждой витриной стояли столбики высотой примерно с Машу, и на столбиках были написаны слова, много слов и циферок. Маша вбила себе в голову, что это – заклинания. Что стоит только научиться читать и произнести их правильно, как витрины оживут и начнут стреляться разными полезными вещами, а может даже, чем угодно.

– Как ты не понимаешь, это же порталы! – убеждала Маша своего товарища по счастью. – Надо только выучить язык!

– Значит, в перемещение во времени ты не веришь, а в порталы и заклинания веришь? – ехидничал Слунс. – Абра-кадабра, выплюни мне, витрина, компьютер крутой марки, лапы и живого динозавра!

– Динозавры миллион лет назад вымерли, – отмахивалась Маша. – А заклинание – это как голосовое управление гаджетом, вот и все.

Спорить можно часами и без всякого толку. Выучить язык без учебника, разговорника, видеокурса или живого учителя все равно невозможно. А ничего этого на острове не было.

Тогда Малинина подошла к делу с другой стороны. В прямом смысле. Она стала пробовать подойти к витринам с другой стороны, с тыла. И тут ее ждал новый сюрприз. Подойти к ним с другой стороны оказалось невозможно! Причем препятствия возникали самые разные. Витрина, расположенная около лавочки, была недоступной потому, что никакими силами не удалось открыть дверь лавочки, (почти во все другие магазинчики ребята попадали спокойно, они были или открыты, или заперты на щеколды). Две симметрично расположенные витрины на Овальной площади были как бы высечены в скале, к которой примыкало здание, похожее на ратушу. Три витрины на набережной буквально висели над морем, но высота там была приличная. Маша с Рино попытались подплыть со стороны моря, но с поверхности воды увидели только серые невнятные задники витрин, как им показалось, – полупрозрачные, но с такого расстояния понять было ничего невозможно. В конце концов, на одной из улиц Маша нашла не слишком высокую и не слишком широкую витрину, которая стояла как бы сама по себе, правда, имела внушительную толщину, метра полтора. То есть это был такой кусок стены. С одной стороны – витрина, сзади – стена. Маша решила проковырять ее насквозь.

Притащила зубила, молотки и кувалды – все, что нашла в мастерской дома, который они выбрали своим пристанищем. И приступила к работе. Рино присвистнул, выразительно покрутил пальцем у виска и отправился плавать, нырять и проверять силки: на острове было много мелких зверушек и птиц, глупо не воспользоваться случаем, он с детства мечтал об этом!

Маша потратила около месяца, возясь с клятой витриной. Продолбить ее не удалось. Первый слой, в палец толщиной, отколупывался легко, слой дальше, толщиной с ладонь, долбил с трудом, но поддавался, а потом начиналась засада. Переломав кучу инструмента и содрав кожу с рук, Маша оставила эту затею и попыталась стену... выкопать. Ей удалось раз-

воротить значительный кусок мостовой и извлечь из нее гору тяжелых булыжников, но уже на полуметровой глубине ее ожидал неприятный сюрприз в виде того же не пробиваемого ничем монолита. Маша исполнила безумный танец вокруг неподдающейся витрины, вопя от негодования, – танец состоял в основном из топая ногами и размахивания кулаками. После чего решила откопать стоящий рядом столб. Со столбом ей удалось справиться за неделю и даже расколоть его пополам. Но ничего интересного в нем не обнаружилось. Ни проводов, ни микросхем.

Маша обиделась на судьбу и целую неделю плавала, и ныряла в море вместе с Рином, и бегала к календарю смотреть, сколько им осталось до возвращения на остров жителей. Спустя неделю она поставила себе новую цель: выучить местный язык. Рино только вздохнул.

К концу лета они начали ссориться. Не так, как раньше, поругались-обиделись-остыли-помирились, а всерьез. Дело в том, что жизнь в пустом городе постепенно меняла Рино в одну сторону, а Машу в другую.

Рино наслаждался переменами. Конечно, он бы предпочел дикий остров, с вредными деревьями и опасными животными, чтобы пришлось строить крепость, обороняться, а потом всех победить и стать героем. Но такой вариант ему тоже очень нравился. Рино научился плавать и нырять, как рыба, бить птиц влет из лука и арбалета, ставить силки и ловушки на мышей и зайцев с профессионализмом бывалого охотника и многому другому. Он также научился управлять лодкой под парусом, загорел, подрос и возмужал (хотя все еще больше напоминал мальчишку, чем юношу). Рино стал самостоятельным, уверенным в себе и каким-то... свободным, что ли. Он стал подумывать о том, чтобы спуститься в переход между островами, справиться с двухговым Кротиком (связать веревками) и расспросить о том, что за люди жили в городе и куда свалили.

Маша была категорически против спуска в подземелье, и Рино не понимал, куда делась ее храбрость. Вроде нельзя было сказать, что она трусит, но при попытке поговорить на тему связывания Кротика она вспоминала о неотложных делах или о том, что хочет спать, а все это можно обсудить и завтра. А завтра переносила разговор на послезавтра. И целыми днями пыталась разобраться с местным языком, составляя алфавит и переписывая в тетрадки названия с уличных вывесок.

Из-за Кротика они и разругались всерьез. Дни были еще очень жаркие, и о приближении осени говорил только календарь на Овальной площади. Был вечер. Маша Малинина сидела на веранде и занималась своими «тупобуковками», как их называл Рино. Она зажгла восемь масляных ламп (масла в городе было вдоволь), разложила исписанные листики по всей веранде и громко разговаривала сама с собой, точнее, с одним из листиков, который держала в руке. За лето Маша отрастила волосы и завела моду заплетать их в тонкие косички, вставляя в каждую косичку гибкие стебельки цветов, растущих на клумбах по всему городу. Косички торчали в разные стороны, превращая Машину голову в некое подобие одуванчика. Сегодня она вплела стебельки вместе с цветами, и теперь ее голова-одуванчик была похожа скорее на цветущий шар, чем на голову. В таком виде ее и застал вернувшийся с охоты Рино.

– Уц, уц, тыц-пуц! – говорила Маша листику. – Если эта буква – цэ твердая, то пуц, а если цэ – мягкая, то уц, уц, тыц-пуц, и это – название страны!

– Привет! – сказал Рино, бросая еще теплую тушку зайца на пол и попадая на листики. – Смотри, какая у нас сегодня добыча! Давай на вертеле зажарим! Я вот подумал: почему мы еще ни разу на вертеле не попробовали, над костром? Пошли?

– Фу-у-у... – скривилась Маша. – Ты мне тексты испачкал. Чего ты их все бьешь, не жалко, что ли? Еды у нас навалом!

У Рином аж челюсть отвисла. Зайца ему удалось убить всего второй раз за лето. Первый попался в самом начале лета, крохонький, зайчонок еще, видно, по неопытности в ловушку угодил. Машка тогда радовалась – просто ух! Даже целовать-обнимать его бросилась на радо-

стях. Хотя есть в том зайчонке было нечего: кожа да кости. А этот заяц вон какой – зверь! То-о-олстый! Рино рассчитывал как минимум на поцелуй в щечку! Услышав «Фу-у!», он готов был немедленно взорваться и разодрать листики с тупобуковками на мелкие кусочки, но ему удалось сдержаться.

– Маша, – спокойно сказал Рино, – ты сейчас о чем? Давай попробуем рассуждать по-взрослому Жалость – старинное чувство, оно было у наших предков. Оно эволюционно оправданно только по отношению к потомству и к родственникам. Заяц – это еда. Заяц – это мясо. Заяц – это вкусно.

Маша выслушала все это, хлопая ресницами. На словах «заяц – это еда» она хотела было треснуть этого тупого, бесчувственного Слунса по башке масляной лампой, той, которая потяжелее, но собрала всю свою волю в кулак и не треснула. А глубоко вдохнула, посчитала до пяти и ответила:

– Рино. Ты, конечно, прав. Мы с тобой должны жалеть друг друга, а не зайцев. Но давай рассуждать по-взрослому У нас много еды. Нам не нужно тратить время на убийство животных. Нам нужно сосредоточиться на том, чтобы разгадать тайну этого острова. Понять его культуру. Язык. Не быть дикарями. Не портить природу. Вообще ничего не портить.

Рино чувствовал, что закипает, но во второй раз сдержался. Вдруг их все-таки снимают для шоу или сериала?

– Дорогая Маша! – старательно подбирая слова, начал Рино. – Ты, конечно, тоже права. Но давай продолжим рассуждать по-взрослому. Значит, когда ты долбишь зубилами витрины, делаешь подкопы и выворачиваешь из мостовых булыжники, это нормально? Живешь в чужом доме, пользуешься чужими вещами, масла вон сожгла три канистры, это можно? Каждый день мы поглощаем запасы из чужих подвалов и кладовок, это пожалуйста? А когда я честным трудом добываю нам на пропитание зайца, я, получается, дикарь?

– Но...

– Я еще не закончил! Я не против того, чтобы понять, что это за город, что за остров и все остальное. Но ты сама не хочешь взять и все узнать самым простым способом!

– Каким способом? – не поняла Маша.

– Пойти в подземный ход и допросить Кротика!

– Давай поговорим об этом завтра, – быстро предложила Маша. – Уже поздно. Я так спать хочу...

– Нет. Мы поговорим об этом сегодня, – отрезал Рино. – Прямо сейчас.

– А, ну ладно! – вдруг легко кивнула Маша. – Сейчас так сейчас. Только вот что. Раз уж тебе удалось добыть такого роскошного зайца, давай спустимся вниз и пожарим его на вертеле. А заодно и про Кротика поговорим.

Она ловко подхватила заячий трупик за уши и с улыбкой протянула его обалдевавшему Слунсу.

– На, ты пока с него шкурку сними, а я специи принесу и яблоки. Давай его с яблоками зажарим?

И упорхнула.

Рино поплелся во дворик готовить костер, вертел и тушку.

Заяц получился не очень. Мясо было жестковатое и сладковатое. Может, от яблок. А может, у местных зайцев вообще оно такое. Они с этим зверюгой полночи провозились, и все зря.

– В следующий раз я попробую замариновать, – ворковала Маша. – В уксусе. Если взять большую кастрюльку, там у нас на кухне есть такая, с притертой крышкой, чтобы запах уксуса не слишком бил в нос, а потом перед жаркой помыть в воде, то будет то, что надо...

– Уксус! – Рино вдруг поднял вверх указательный палец. – Уксус.

– Что – уксус? – не поняла Маша.

– Откуда ты знаешь, что мясо станет мягким?

Маша пожала плечами:

– Ну... не помню... Но ты-то знаешь?

– Я – да, но я давно химией интересуюсь, с дошкольного возраста. А ты? Тут что-то не так...

Маша фыркнула:

– Да какая разница-то? Может, слышала где, может, читала... Мало ли...

Рино покачал головой:

– Когда тебя Кротик тяпнул за ногу и ты умирала, ты просила меня принести уксус. А тогда ты откуда знала, что тебе нужен именно уксус?

– Я не просила, – нахмурила лоб Маша. – Я не помню... Да что ты привязался-то к этому уксусу?!

Но Рино привязался не к уксусу. Он вспомнил и о том, как Маша интуитивно нюхала и отбирала травы, которые помогли ей восстановить ногу. Как потащила с собой в подземелье ягоды. Если бы Кротик не сожрал их и не разжалобился, они бы не попали сюда и погибли бы.

– И еще много, много разных странностей, – добавил Слунс. – И совпадений.

– Ты что, считаешь меня ведьмой? – рассердилась Маша.

Но Рино отмахнулся и продолжил перечислять совпадения. Коряга лежала прямехонько на люке. Если бы она лежала в любом другом месте... Сам Рино откуда-то точно знал, что ночью пойдет дождь. Откуда-то знал, что ягоды ядовитые... Откуда? Вроде как ему это снилось, но он не уверен.... Опять же Кротик...

– Все! Мы завтра же идем ловить и допрашивать Кротика! – отрезал он. – Один я не справлюсь, но с твоей помощью – да.

Маша ответила не сразу.

– Нет.

– Тогда я иду один!

Маша опять ответила не сразу.

– Нет.

– Что значит «нет»?! – взвился Рино. – Я один пойду! Куда хочу, туда и пойду!

Маша молча встала и пошла в дом. На пороге оглянулась и сказала:

– Спокойной ночи.

На следующий день Рино стал собираться в подземелье. Один. К Маше он не подходил. Он основательно подготовился. Взял несколько ламп, запас масла, воду, еду, теплые вещи, несколько мотков веревки, два лука, арбалет, большую рогатку, топор... К сожалению, ни в самом городе, ни в его окрестностях не нашлось ни единого куста с теми ягодами, от которых Кротик добрел, но Рино придумал другую хитрость. Он взял бидон, сходил к морю и притащил десяток медуз, от которых... как бы это сказать поделикатнее... В общем, Рино как-то лизнул одну – просто лизнул, – потом сутки из туалета не выбирался. Вдруг Кротик тоже попробует? Конечно, мало радости оказаться в замкнутом пространстве с чудовищем, страдающим поносом, но как отвлекающий момент...

Рино подтащил все к люку и стал спускаться вниз партиями. Маши видно не было. Рино спустил поклажу, зажег первую лампу и осторожно пошел вперед. Идти было не очень страшно, потому что он все еще злился на Малинину «Какая же дура, а? Все девчонки дуры! – думал Слунс. – Дуры и трусики!» Он дошел до места, где Маша потеряла сознание. Тут она лежала, тут он пытался перебинтовать ее ногу своей сорочкой, но она металась в беспамятстве и все содрала... Обрывки сорочки и сейчас валялись тут. Аккуратной горкой, у стенки. Это было очень странно. Рино нахмурился и пошел дальше осторожнее. Достав на всякий случай топор.

Шаг.

Еще шаг.

Остановился, прислушался. Тишина.

Шаг.

Еще, еще...

Потолок стал снижаться. Да, все верно. Еще ниже. Тут они ползли. Дальше придется совсем осторожно, там, после этого лаза, коридор станет нормальной высоты, и там может стоять Кротик.

Рино присел на корточки и осветил фонарем самое низкое место подземелья. И выругался. Лаз закрывала... витрина! Да, да, не такая большая, как те, которые в городе, а ровно по размеру прохода. Закрывала очень плотно. Рино попробовал сдвинуть – не смог. Бил топором – бесполезно. Попробовал из арбалета – стрела отскочила, чуть его самого не поранила.

– Ну, Машка, держись!!! – заорал Рино страшным голосом и бросился обратно.

Машка сидела на скамеечке возле люка и ждала его. Рино готов был ее убить!

– Ну ты ж сволочь! – орал он. – Не знаю, как ты дотащила туда эту... эту...

– Витрину, – робко подсказала Маша.

– Да!!! Но или убирай ее немедленно, или я тебя сейчас!!!

Когда Рино оторался и Маша смогла вставить слово, она сказала:

– Это не я. Кто-то закрыл портал. Теперь-то ты согласишься в то, что это порталы?

Рино еще долго вопил и не верил. Они вместе спускались в подземелье. Стучали по матовым стеклышкам. Ковыряли стены. Набравшись наглости, звали Кротика. Потом вылезли. Потом бегали к тому portalу, который Маша пыталась выкопать. Потом – опять в подземелье. Рино вопил так, что даже охрип. Хорошо, что хоть в драку не полез: все-таки Машка ему нравилась, хоть и дура.

Они окончательно вылезли на поверхность, уставшие и злые друг на друга. Для чего-то опять поплелись в центр, в сторону Овальной площади.

– Когда ты узнала, что там эта... витрина? – Рино упорно не хотел называть эту штуку порталом.

Оказалось, Маша месяца полтора назад узнала.

– А мне почему не сказала?

– Я боялась, что ты будешь сердиться, что я туда одна пошла.

– Ха! А кстати! Чего ты туда одна поперлась?

Маша пожала плечами:

– Ну не знаю, поверь! Я думала, что так будет лучше...

– Ла-а-адно! – не отступал Рино. – Но хотя бы вчера ночью ты могла мне сказать?

Маша опять пожала плечами. Сегодня она не заплела косички, и без головы-одуванчика с цветами по краям вид у нее был не такой уж сумасшедший. Рино подумал-подумал и решил, что, может быть, она права, а он нет. Может, на самом деле существуют всякие порталы? Может, они переместились не во времени, а в пространстве? А может, и в пространстве, и во времени? Нет, нет, все-таки в порталы Рино не мог поверить... Но ведь кто-то впихнул в подземный коридор между островами эту витрину? Кто? Кротик? Он бы не стал себя замуровывать... Рино терялся в догадках, но тут его осенило, он догадался, в чем Машка права. Все это подстроено, и тут все-таки есть какие-то скрытые камеры, микроскопические, и с ними снимают реалити-шоу, и на них сейчас смотрит весь мир! Это самое разумное объяснение...

Они дошли до площади. Рино огляделся, камер не нашел, но это значило, что их тут нет. Если они есть, нельзя вести себя как идиот. Рино откашлялся и торжественно произнес речь, которой могло бы гордиться все мутантское человечество во главе с его мамой и папой:

– Дорогая Маша! Я предлагаю тебе больше никогда со мной не ссориться и не ругаться, а жить мирно. Волею судеб мы оказались с тобой вдвоем на прекрасном необитаемом острове посреди бескрайнего океана и должны с достоинством пройти все испытания, уготованные нам судьбой!

Маша икнула от удивления. Вид у нее был растерянный и глупый. Рино с ехидством подумал о том, что в этой сцене на экране визоров он будет явно на высоте по всем параметрам. Картинно вздохнул, выставил вперед ногу и протянул в сторону Марии руку, как это делают герои в сериалах. И продолжил:

– Давай жить мирно и поддерживать друг друга.

Честно говоря, он не знал, что еще сказать. Хотелось выдать что-то умное и историческое, но ничего не шло в голову.

– Д-д-давай! – согласилась Маша.

Рино продолжал собираться с мыслями. Пауза затягивалась. «Надеюсь, паузы при монтаже вырежут!» – подумал Рино и сказал:

– В свете создавшейся сложной ситуации предлагаю больше не иметь секретов друг от друга, ничего не скрывать и... В общем, ничего не скрывать. Договорились?

Маша неуверенно кивнула.

«Еще полгода жить под камерами – я сдохну! – с тоской подумал Рино. – А может, это все-таки не реалити-шоу? Тогда кой муточерт меня дернул такие монологи сочинять?!»

Солнце стояло в зените. День был жаркий, очень жаркий. Хотелось пойти к морю, окупаться, а потом в тень и спа-а-ать. Рино собрался было предложить Машке понырять, но вместо этого вдруг спросил:

– Ты от меня еще что-то важное скрывала?

Тут Машке бы улыбнуться да сказать: «Ничего больше, честное-пречестное! Ну разве что мороженку вишневую втихую таскала, которая твоя любимая и которой запасов не так много...» И все бы рассосалось. Что Слунсу та вишневая мороженка? Но Машка закусила губу и призналась:

– Скрывала. Я теперь вижу камни насквозь.

– ЧТО-О-О???

Машка повторила. Рино застонал, забул про жару, про море, про реаліті-шоу, про все.

– Какие камни? Как насквозь? Гм... И что вот за этой стенкой? – Он указал на один из домов.

– Нет-нет, – затараторила Маша. – Что за стенами домов, я не вижу. Потому что они из обычных камней построены. А вот те, которые под ногами... Они, если посмотреть не так, как мы обычно смотрим, а немного иначе... то...

Рино посмотрел под ноги. Они стояли в середине площади, вымощенной самым обычным булыжником. Из местной породы. Таким желтовато-сероватым булыжником.

– Эти? – уточнил Рино. – Насквозь?

– Ага.

– Хм... – Рино присел на корточки, постучал костяшками пальцев по одному из камней, встал. – Я тоже вижу, что под ними. Песок, земля и скала. Зашибись, как круто.

– Да нет же! Там под ними огоньки, стрелочки и разные знаки.

– А откуда ты знаешь? А-а-а, знаю! Ты выкопала несколько каменюг перед той витриной, а на их обороте были знаки!

– Да нет же. На обороте ничего нет, все такое же. Знаки внутри.

– Ты их расколола?

– Да нет же. Зачем колоть? Достаточно просто посмотреть! Ты что, не видишь?

Рино, конечно же, не видел. Вообще-то со зрением у него был полный порядок. Как многие мутанты, он отлично видел все в обычном спектре, а также частично в рентгеновском. Во всяком случае, новогодние хороводы радиоактивных елочек его радовали, они замечал их свечение. А если очень напрячься и постараться, он мог ощутить и инфракрасное излучение.

– Ты хочешь сказать, что за эти несколько месяцев мутировала и видишь суперрентгеновски или как там его...

– Не, рентгеновски я как раз не вижу. Надо просто по-другому посмотреть, понимаешь? По-дру-го-му!

Нет, Рино не понимал. А Маша несла какую-то чушь. Достала из кармана тетрабочку с записями знаков. Твердила о том, что они многослойные. Что могут с ней разговаривать – как бы разговаривать, только она не понимает о чем. Что видит она их не всегда, а только в каком-то особом состоянии, а в это состояние может попасть тоже не всегда, а только когда начинает понимать, что она не мутант и что отвечает за весь мир и...

– Ну все, с меня хватит! – прервал поток Машкиного бреда Рино. – Я пойду окунусь. Постараюсь держаться от тебя подальше. Говорят, сумасшествие не заразно, но кто знает.

И ушел.

– Ну и катись!!! Дурак безмозглый!!! – прокричала ему вслед Маша.

До самой осени они практически не виделись и, встречаясь, почти не разговаривали. Рино переселился в домик поближе к берегу, обнаружил в одном из лодочных ангаров недостроенную подводную лодочку на одного человека и взялся ее достраивать. А Маша переселилась в высокий дом ближе к северо-западной части острова. Вечерами Рино видел, как на веранде Машкиного дома загораются огни, и успокаивался: жива.

Лето, полное тайн, и начавшееся как прекрасная сказка, превратилось в полный отстой. Надо было думать о подготовке к зиме. И не думать о том, как жить дальше, если в тот день, когда календарь покажет ноль дней, никто сюда не прилетит и не приплывет.

Глава 6. Лошади, слоны и учебники

Если тебе так мало лет, что ты еще не ходишь в школу, спишь при свете и живешь на Земле-4, то считай, что тебе повезло. Как Лизке. Лизка и сама считала, что жизнь – прекрасная штука. Хотя что она могла в этом понимать, такая крохотулька!

Консьержке Марии повезло куда меньше: на той же Земле-4 она была одинокой стареющей женщиной, страдающей ревматизмом и отсутствием приличного собственного жилья. Впрочем, Марии тоже не приходило в голову жаловаться на судьбу.

А вот Эля не могла бы точно сказать, повезло ей или нет. Тринадцать лет, изящная фигурка, огромные распахнутые глаза – повезло. Тяжело больная мать, пропавший без вести отец и ощущение, что от тебя не шарахаются в сторону только из вежливости, – не повезло. Светлая голова и выдающиеся способности к точным наукам – повезло. Категорический запрет заниматься любимой физикой – не повезло так не повезло. И так далее, по списку.

Первая половина дня у Эли сегодня была свободной по случаю каникул. Первым делом Элина привычно заглянула к маме. Мама спала, полулежа на ворохе подушек. Сегодня она была почти совсем не бледная, дышала спокойно, и круги под глазами не слишком большие. Можно не волноваться. Эля оставила маме записку, пододвинула поближе столик со всем необходимым, заменила воду в графине, полила цветы, распахнула ставни, приоткрыла окно и приподняла шторы до половины, как маме нравилось. Потом выскользнула из комнаты и занялась собой. Поела, залезла под душ, причесалась. Затем открыла гардероб и задумалась. Извлекла из него две юбки – мини, красного цвета с белыми разводами, и бежевую, миди, свободную. Поколебавшись минут пять, Элина все-таки остановилась на любимой юбке, а не на той, которую следовало бы надеть, соблюдая правила. И пошла к Лизке, сестренке своего одноклассника. Она давно обещала помочь малышке вылепить из глины фигурки для игры.

Элина жила вдвоем с мамой в длинном, стареньком двухэтажном доме почти на самом краю города. Раньше, когда папа был с ними, дом был одноэтажным, с большим чердаком. Нарциссовы занимали тогда весь дом. Хотя, по правде, в половине комнат Эля никогда не бывала – они принадлежали Ночи, так что ходу в них не было никому. Маленькая Эля знала: если на дверях стоит буква «Н», туда не попасть. Девочка часто приставала к папе с расспросами по поводу этой тайны. Но папа или отмахивался, или многозначительно говорил: «Вырастешь – узнаешь», или рассказывал веселые небылицы о том, как глупые Силы Ночи пытаются поймать людей, отобрав их у Света Дня. Эля смеялась. Мама, которая болела тогда не так сильно, тоже смеялась. Но однажды веселые небылицы превратились в грустную быль. В одну из ночей папа исчез. Эле было тогда почти пять лет.

Она запомнила, как насмерть перепуганная мама выволокла ее на рассвете из кровати и прямо в пижаме отвела к соседям напротив. Как соседка тетя Чойла долго качала ее на руках, как маленькую, завернув в колючий клетчатый плед. И как потом они с тетей Чойлой и ее тремя ребятишками пилились в окно, наблюдая, как дом Нарциссовых окружает стайка крепких молодых ребят в униформе, не местных, из столицы. На следующее утро эти ребята вынесли из дома стопку толстых тетрадок в клетчатых зеленых переплетах и уехали. Папу они не нашли, а Элю с мамой попросили пожить недельку у соседей. Когда им разрешили вернуться домой, все ранее закрытые комнаты оказались открытыми и совершенно пустыми. Это были внутренние комнаты, без окон, без электричества, с гладко выбеленными стенами. Ничего интересного в них не было. Ничегошеньки. В доме городские власти сделали перепланировку, вместо чердака появился еще один полноценный этаж. Элине с мамой досталась западная часть дома, а в восточную вселились две новые семьи. С детьми новых соседей Эля так и не сдружилась.

Спустя месяц после того происшествия Эля нашла в потайном дупле, где хранила «клад», еще одну странную тетрадку в зеленую клетку. Элина уже немного умела читать. Дрожа от страха, она перевернула обложку. На первой странице крупными печатными буквами было написано: «Эля спрячь эту тетрадку от всех я тебя люблю папа». Дальше шли совершенно непонятные схемы, формулы и мелким почерком сделанные приписки. Эля выполнила папину просьбу. Она спрятала тетрадку от всех. И от себя тоже.

Сейчас, собираясь к Лизке, Эля опять вспомнила о своем «кладе». Раньше она неизменно задвинула бы крамольную мысль о тетрадке поглубже. «Вот вырасту, стану настоящим физиком, тогда...» – подумала бы она. Но сегодня... Сегодня был самый подходящий день. Одни соседи вчера уехали на дачу, вторые на работе. Эля выволокла из сарая стремянку, вооружилась садовыми ножницами. Если кто поинтересуется, можно будет сделать вид, что она собирается обрезать засохшие ветви.

Но изображать из себя садовника не пришлось – на горизонте так никто и не появился. Эля благополучно выудила из заветного дупла старую тетрадку и спустилась вниз, спрятав ее под жакетом. Затем отнесла лестницу на место и вернулась в дом. Мама все еще спала. Эля юркнула в ванную комнату и присела на краешек ванны. Сердце ее стучало так, словно собиралось вырваться из груди и срочным галопом унести подальше от хозяйки. Прежде чем открыть тетрадку, Элина до упора вывернула кран, создавая шумовую завесу. Облизала пересохшие губы...

«Эля спрячь эту тетрадку от всех я тебя люблю папа». Надпись немного выцвела. Угол тетради, видимо, пострадал от воды: страницы набухли, чернила застыли синими разводами. Тряска от сердца передалась рукам. Страница никак не хотела переворачиваться. Наконец перевернулась. Сначала шел текст...

Лизка торчала во дворе, перемазанная мелом с ног до головы и растрепанная. Результаты ее творчества – кривые девчачьи фигурки между огромными цветами – занимали все свободное пространство перед подъездом.

– Я тебя с раннего утра жду а ты все не идешь! – с укоризной прокричала она Элине, тут же бросая игру. – Пошли скорей!

– Нет, так нельзя! – покачала головой Элина. – Нужно собрать мелки.

– Потом!

– А если потом дождь пойдет? Они же намокнут.

Эля присела на корточки и принялась собирать мелки в коробку. Лиза вздохнула, но стала помогать.

– А этот синий – не мой, его не бери.

– Чей же?

– Керикин, из третьей квартиры.

– Ну, так надо ему вернуть.

– Не надо, он его мне подарил, насовсем.

– Ну, значит, он твой.

– Да нет же!

Выясняя сложные взаимоотношения девочки Лизы, мальчика Керика и синего мелка, они вошли в дом и поднялись в оранжерею. Лизкина игрушка занимала половину детского уголка в самом дальнем углу оранжереи.

– Здорово! – честно восхитилась Эля, осмотрев конструкцию. – Похоже на старинный амфитеатр, заросший зеленью.

– На что похоже? – Лиза не поняла: то ли ее хвалят, то ли наоборот.

– На старинный театр похоже, – объяснила Эля. – Раньше такими полукруглыми ступеньками театры делали. На ступеньках сидели зрители. А внизу актеры играли пьесы. Вот тут у древних людей была сцена.

Элина показала, где должна быть сцена.

– Нет, тут не сцена, тут океан! – возразила Лиза. – И вообще, это не театр.

– А что это?

Лиза задумалась.

– Не знаю... Я потом придумаю. Давай фигурки лепить.

Эля развернула холст, в который была спрятана белая глина, взяла в руки кусочек и принялась его мять. Глина была влажная, мягкая и холодная на ощупь. Мять ее было приятно. Лиза нерешительно ткнула оставшийся кусок пальцем и тут же отдернула руку. Ей ощущения не понравились.

– Чур, ты мне будешь помогать! – поставила условие Элина. – Я одна работать не буду. Мне так неинтересно.

– Я не умею!

– Ничего, научишься. Это несложно. Давай, повторяй за мной. Кого будем лепить?

– Лошадей.

– Лошадей?

Лиза кивнула. Затем робко отщипнула самый крохотный кусочек глины от большого бруска и вздохнула:

– Я не могу тебе помочь. Все равно лошади у меня не получатся.

– А ты пока колобков лепи. Колобков мы тоже на ступеньки посадим.

Но Лиза наотрез отказалась сажать на ступени колобков. Почему-то ей нужны были только лошади. Красить она их тоже не собиралась. По ее замыслу все лошади должны непременно быть белыми.

Мария поднялась в оранжерею, когда добрая половина ступенек уже была заселена белыми уродцами. Уродцы были подкованы обычными канцелярскими кнопками.

– Лиза, у меня для тебя радостная новость! – сообщила Мария, подойдя к девочкам. – Твой брат теперь герой. Он спас Бяк-Бяка. Завтра его портрет будет во всех газетах.

Лиза не сразу переварила столь ошеломляющую новость. Зато на Элину слова Марии произвели огромное впечатление. Она миглом вскочила с колен, сметая подолом юбки с десятков белых фигурок, и схватила Марию за плечи перепачканными глиной руками:

– Это правда? Веня спас Бяка? Но как? И от чего он его спас? И когда?

Но Мария и сама ничего толком не знала. Знала, что спас. От сердечного приступа. Сегодня. Недавно. В «Скорой помощи».

– В «Скорой помощи»? – Элина расстроилась.

Зря она не пошла сегодня туда прямо с утра. Подумаешь, свободные полдня! Отдохнуть захотелось, к папиной тайне прикоснуться. А пошла бы – увидела бы Веньку и заодно заработала бы десяток баллов за инициативу. Интересно, а чего Бесова понесло сегодня в «Скорую помощь»? Ведь его летняя практика проходит совсем в другом месте... Может, Веньке опять стало плохо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.